

Владислав Китик

КАК ПО МОРЮ, МОРЮ СИНЕМУ

Морские истории

Одесса
«Астропринт»
2025

УДК 821.161.1(477)-3
К45

Фотограф
Степан Алесян

Рисунки автора

Китик В.

К45 Как по морю, морю синему : морские истории
/ Владислав Китик. — Одесса : Астропринт, 2025.
— 152 с. : ил.
ISBN 978–617–8515–93–5.

Новая книга прозы одесского автора Владислава Китика «Как по морю, морю синему» является сборником морских историй, охватывающих время его учёбы в Одесском высшем инженерно-морском училище и последующей работы на флоте. Годы, зафиксированные в строках Трудовой книжки, случаи, передающие колорит морских будней Черноморского пароходства, его суда, уплывающие из памяти нынешних дней, не тускнеют за давностью. Истории и весёлые в духе «морского треп», слегка задумчивые, иногда лирические, и хранящие экзотику дальних стран, — ещё один штрих удивительного многогранного творения человечества, называемого флот. Волею древности, к нему причастен каждый.

УДК 821.161.1(477)-3

ISBN 978–617–8515–93–5

© Китик В., 2025

Ты жив по-настоящему до тех пор, пока у тебя есть в запасе хорошая история и кто-то, кому можно её рассказать.

Алессандро Барикко

ОТ АВТОРА

Жизнь писателя неровная. Она только с виду сидячая. То он шагами меряет комнату, одолеваемый бессмысленным вопросом о смысле жизни. То бродит одинокими улочками, опасаясь встреч, чтобы оградить свою идиллию от безобидного: «Как дела?». Он отказывается от светских развлечений, оставляет недопитым кофе, бежит к рабочему компу, сгорая от нетерпения, когда же тот, наконец, загрузится. И доверяет ему слова, прокатившиеся по груди тёплой волной творческой находки.

Щёлкая клавишами, он гонится за мыслью, нужной фактически только ему, а потом мается, не имея рядом того, кому мог бы прочесть свою писанину. И безучастно возвращается в приморское кафе, всё-таки выпивает свою чашку и долго смотрит вдаль, где за облаками виднеются толстые журналы с его публикациями, положительные отзывы рецензентов, и молча гордится желанием служить на поприще литературного труда.

Все эти состояния в той или иной мере присутствовали, пока из давнего и пережитого создавалась данная коллекция морских историй, которую я назвал «Как по морю, морю синему». Хотя и не только эти...

Импульс к тому, чтобы засесть за написание книги, пришёл неожиданно в серые дни разочарований, когда казалось, что время лишено остроты и колорита. Тогда, как спасательный круг, в сознание плюхнулись воспоминания о минувшем, посвященном флоту, а с ними и переосмысление пройденного по жизни пути.

Я был участником многих событий, не случайных и не напрасных. И, на мой взгляд, достойных пера и возможности поделиться впечатлениями.

С каждым очередным рассказом я реабилитировался в собственных глазах. «Разноцветность» историй объяснима разнородностью фактов, взятых из судового журнала рейсовой хроники. А то, что они по-флотски немного приукрашены вымыслом, то лишь для того, чтобы рельефнее передать атмосферу будней, вахт и сплетений судеб, возможных только на морских перекрёстках. Фактов, оставшихся за кормой жизни, миновавшей, к сожалению, не только для меня, но и для всей страны, бездарно растерявшей флот.

Почему я обратился именно к этой теме? Вопрос излишний! Одесса не может без моря. У каждого одессита оно в крови. По их убеждению, море тоже не может без Одессы. Это не только желание немного прихвастнуть, свойственное старожилам, но и безошибочное утверждение, потому что без Одесского порта, внесённого в лоции, в мировой системе судоходства зиял бы пробел.

Пока писал, вспомнилась «первоклашкина» ручка с пером и чернильница-«непрольюшка». Потом — наливная ручка с символическим названием «вечная». И — детство, с которого всё и началось. Мне на ноги надевали сандалики с ремешком, на голову нахлобучивали панамку от солнечного удара и, как тысячи советских школьников, отправляли на летние каникулы к бабушке в деревню.

Это было село Тузоры, рассыпанное на зелёных холмах Молдавии. Там в саманном белённом известковой доме были плетённые из цветных тряпиц коврики, керосиновая лампа, сладкие груши, сок от которых затекал в рукава. Была печь, в которой вздыхал домовый, и, конечно же, волшебные сказки на ночь. Прабабушка, дорогая моя баба Маша, Мария Дмитриевна Подбережнюк, будучи много лет преподавателем-лингвистом, назидательно постукивая палочкой об пол, требовала от меня правильного произношения слов и декламации стихов Лермонтова: любовь к нему была фамильной в роду. Как человек искренне верующий она рассказывала мне евангельские сказания, которые были для меня причащением к тайне. Даже нет... — к таинству!

А ещё она пела о красивых и величественных птицах: «Как по морю, морю синему // Плыла лебедь с лебедятами». Я не всё воспринимал, потому что это не очень-то совпадало с общепринятым пионерским воспитанием. Но то доброе, что заложено однажды с любовью, — остаётся и всплывает из подсознания.

Бабушки давно нет. И детство давно закончилось. Потом были мореходка и флот, большие плавания и разные ситуации, вплоть до несуразных. Но не это главное!

Я пришёл к тому, что море — не только географическое понятие, но великая стихия, из которой родилась жизнь и вышла на сушу. Так учат древние рукописи с огромным сроком правды, предания, потрясавшие задолго до появления научных изысканий. Недаром плазма человеческой крови близка по составу морской воде.

Я помню, как физически чувствуются планетарные расстояния, как, лёжа в каюте, спиной ощущаешь вздрагивания днища при движении судна в штормовую погоду, как на борту находится острослов, авторитетно изрекающий: «Опять наскочили на кочку». Помню, как ветер приносит запахи деревьев и трав за сутки до подхода к земле. А ещё мне как человеку старой формации было понятно, как вдалеке звучит голос родины. Он и сейчас узнаваем в светлом просторе народной песни: «Как по морю, морю си-нему»...

КАК МОЮ МАМУ НЕ ПРИНЯЛИ В ПАРТИЮ

Всё началось с появления на свет. В детстве я был крикливым ребёнком. Молчать вежливо, многозначительно, лукаво или с загадочным прищуром я научился много позже. А в младенчестве орал за все будущие обстоятельства, когда следует держать рот на замке.

Я с рёвом барахтался в пелёнках, и ни колыбельные, ни уговоры не могли меня урезонить. Как мне потом рассказывала мама, усмирить мой неосознанный протест против ограничений можно было только с помощью клюквенного киселя. Для этого дома была 200-граммовая бутылочка с порционными делениями. И натянутая на горлышко соска.

Случай проверить её действенность представился. К деду с бабушкой пришёл бывший сослуживец, тоже с бутылкой, только большой. Втроем они нестройно пели, как по долинам и взгорьям шла дивизия, о бродяге, который тащился с сумой и проклинал судьбу... Дед ходил в магазин за добавкой... Утром стало ясно, что оставлять меня на их попечение совершенно недопустимо.

Отец был в рейсе. И всё, что могла сделать мама, это взять в одну руку меня, завернутого в одеяло, на другую повесить сумку и пойти на работу.

Так я впервые оказался в областной библиотеке.

Заведующий читальным залом Чепурной недоуменно уставился на свёрток и дикторским баритоном произнёс:

— Это — что?

— А? Это?.. Это мой Владька, — словно удивляясь вопросу, ответила мама. И добавив: «Он вообще-то тихий», — на цыпочках отнесла меня в подсобку, где за неимением лучшего места положила на подшивку свежих газет. Почувствовав твердость радикальной социалистической прессы, я мирно задремал. Но спать мне не дали.

Читальный зал находился на третьем этаже. С подвалом, где было книгохранилище, его соединял скрипучий лифт. А для переговоров с подвальным складом использовалась труба, напоминавшая телеграф парового флота. Сотрудницы читального зала кричали в неё, как в рупор, а следом бросали в трубу гильзу с бланками заказов, свернутыми рулетиком. Гильза со звоном падала в подвешенную внизу жестяную миску и из хранилища утробно раздавалось: «Получено! Кого подаем: Маркса чи Мопассана?»

Вдруг практикантка Тасечка заглянула за ширму и, сглотив ком в горле, прошептала: «У нас — комиссия!».

Мама встала. В проходе с бледным каменным лицом стоял заведующий: «Из обкома. С проверкой!»

— Ведь завтра обещали.

— А пришли сегодня! Что с ребёнком? Его нельзя показывать!

— Он тихонечко спит, — сказала мама неуверенно. И достала из сумки бутылочку с киселём.

Я спал. Мне снились безгрешные сны. Но кто-то из работников хранилища, подавая сигнал, стал нетерпеливо бить железкой по телеграфной трубе. Из подполья поднялся противный металлический звук.

Я проснулся. Вокруг никого. Я беспомощно огляделся, а потом заорал. Мама бросилась ко мне с бутылочкой, как пожарный с огнетушителем. Она была кандидатом в члены партии, и сорвать ритуал контроля было бы непростительно. Ей и не простили! Однако же — нечто другое.

Сладкого напитка в меня влили предостаточно, чтобы уговорить. И я снова заснул. Но избыток жидкости, скопившейся в маленьком организме, скоро нашёл естественный выход.

...Потом маму журил директор: «Роза Васильевна, ну как же так. Нет, я всё понимаю, сложная семейная ситуация, малец не сдержался. И то, что месячную подшивку промочил насквозь — тоже ладно. Но ведь была бы это местная газета, ну “Труд”, наконец, — “Известия”. А это же была “Правда” — печатный орган КПСС, Коммунистической то есть партии. На что же, скажут, руку поднимаете?»

— Не обратила внимания, когда клала его, — сказала мама, опустив глаза, чтобы выглядеть виноватой.

— А где же бдительность? Не рано ли вам в партийные-то ряды? Может, надо ещё больше проникнуться ответственностью?

— Ещё больше надо, — вторила мама, как угасающее эхо.

— И глубже осознать...

— Глубже, — безучастно соглашалась она.

— Так что, голубушка, повременим. Работайте, растите сына. Выговор мы вам, конечно, объявим.

Бухгалтерия удержала с мамы 50 копеек за порчу казённого имущества. Потом в библиотеке начался ремонт, директор ушёл на пенсию. Словом, мама так и не стала партийной. А всё из-за меня.

И В МАЛОМ — СИЛА

Фанерная доска объявлений, невзначай снятая в домоуправлении, лежала поперёк кокпита. На ней давно томился приперчённый брусок сала, над краем миски горкой поднимались одесские биточки из тюльки, согласно с волнами покачивался в банке саламур с малосольными огурчиками. На стекле заветной бутылки уже заиграли полдневные блики, а капитана всё не было.

— Может, хоть по кусочку пока съедим? А, Боцман? — мечтательно произнёс Лёнчик. Но тот резко оборвал его.

— Приступать к еде, не дождавшись капитана?! — брови старожилы яхты «Фагот» возмущённо поднялись под козырёк выгоревшей кепки. — Салага! Это значит потерять уважение всего яхтклуба.

Воцарилось вязкое, пудовое молчание, какое нависает над головами отяжелевших от усталости четырёх мужиков, отдавших все силы работе. Напрочь выветрился вчерашний азарт гонки, острое предвкушение борьбы, когда поймавшие ветер парусники, рассекая воду, двинулись отвоёвывать у пространства победные дюймы.

Пришли вторыми. И грудь не распирало от гордого ощущения лидерства.

— Так-то: без копейки рубля не досчитаешь. Самая малость и оказывается решающей. Да, чуток не дотянули, — досадливо проворчал капитан, отправился в судейскую коллегия оформлять документы прихода. И запропастился.

...Нехотя сложили паруса, без особого воодушевления накрыли импровизированный стол, сели. Завершилась суточная гонка. За спиной остались 100 миль обозначенной дистанции. Зачастую в море неизвестно, чему равно расстояние, измеренное часами крайнего напряжения сил. Текучесть минут определяется их значимостью. Скоростной результат — сноровкой и слаженностью при перекладке парусов. Особенно на виражах, когда замираешь в готовности и ждешь выкрика рулевого: «Поворот!». А потом, не жалея ладоней, выбираешь слабинку шкотов. Или на длинном галсе, когда, всё выжав из лебёдки для натяжения паруса, слышишь выдавленное рулевым: «У-у, лодыри! Подтяните ж, как следует, шкот! Не могу видеть перед собой корму конкурента».

Да где же он, в самом деле, рулевой наш славный? Солнце уже высоко. Еле покачивается лодка. Оцепенение от усталости рождает равнодушие к береговым новостям.

Наконец капитан появился. Придирчиво прищурился на ждущую команду:

— Так вот, ребята, больше мы не живём в советской стране, — сказал он, будто не веря собственным словам.

— Батя, Кузьмич, ты чего? Нет, мы-то не проговоримся, но если так со всеми шутить, окажешься не здесь, а кое-где... — встрепенулся Коля-Боцман. Юнга Лёничик открыл рот, да и я привстал.

— Тем не менее... — задумчиво произнёс капитан в никуда. — Пока мы в море гонялись, страна распалась. Про ГКЧП слышали?

Ничего мы не слышали! Выполняли команды, следили за ветром, работали с парусами. И теперь пред-

ставить не могли, как можно вернуться в страну, которая уже не существует. Пускай наши скромные «да» или «нет» ничего бы не изменили в ходе судьбоносных событий, немного удручало, что всё решилось без нас. Ведь слова твоей правды или заблуждения всё равно должны быть произнесены. И только тобой!

— Ладно, без нас разберутся. Да, вот ещё... Решением судей заключительная короткая олимпиада завтра отменяется. Приплыли! Так что поднимаем яхту, ставим на стапель-балку. И потом отбой — обедаем! Ну, морячки, мобилизовались! — встряхнулся Кузьмич.

Чтобы перевести яхту в береговое состояние, с носа и кормы под корпус заводятся петли — гаши. Их концы стропятся к гаку подъёмного крана, стоящего на причале. Лодку поднимают и водружают на металлическую раму — большую телегу, которую потом нужно откатить в стояночный ряд.

Роняя капли, яхта, подхваченная стрелой, зависла в воздухе. Крановщик прицелился, и натомившийся парусник стал в гнездо, придавив его тяжестью в четверть тонны. Оставалось только откатить неповоротливую железную конструкцию на колёсах, снятых со старого самолёта.

Пятеро мужиков упёрлись в железные рёбра телеги. Напряглись. Но она стояла, как вкопанная.

— А ну кр-рякнули! — рывкнул капитан. Кеды вжались в щербатый бетон, под носком хрустнула пустая ракушка. Но телега — ни с места. Упираясь, мы стояли почти в горизонтальном положении, и пытались раскатать её ритмичными толчками. Бесполезно! Обмякшие, как тесто, шины словно прилипли к бетонному причалу.

— Эй, другим освобождайте место! Что, все силы в море оставили? Так звоните в пожарную бригаду, телефон за углом, — изгалялся с верхотуры крановой. Но никто из нас даже не ругнулся в ответ. Пот напрасных стараний заливал глаза. Казалось, мы упираемся в стену.

Вокруг уже собрались зеваки. Похлёбывая пиво, они с интересом смотрели, чем кончится это силовое шоу.

— Пацана уберите! — взорвался Боцман. Но мальчишка лет пяти, выскочивший из толпы, продолжал с восторгом смотреть на наш публичный позор. Он браво подтянул трусы и благоговейным шёпотом произнёс: «Вот дядьки-моряки». А затем, деловито плевав на ладони, пристроился сбоку и, подражая нашим подвываниям, приналёг на телегу. И тут она сдвинулась! Пошла! Для преодоления инерции не хватало именно этого слабого усилия детской руки, шаловливой помощи пляжного шалопая.

Пять глотков грохнули от смеха, а следом — и все зрители. Возле колеса, едва возвышаясь над ним головой, гордо выпятив грудь, стоял маленький герой.

Яхту без помех откатали на штатное место. Утёрли пот. Начали искать глазами лупоглазого полпреда новой страны. Но мальчишка брызгами разгонял на воде солнечных зайчиков, ещё ничего не зная о будущем.

ЛЮБОВНОЕ ПИСЬМО ПО-МОРСКОМУ

Сейчас обращение к человеку нередко облечено в форму короткого поста в смартфоне. А пошла такая манера вот от чего!

Было это, когда все летние открытые кафе в скверах назывались «Ветерок» или «Юность», и там продавали, помимо пломбира в вазочках, замечательное лёгкое вино «Шипучее белое». И для бакалейного разнообразия «Шипучее красное» не менее весёлого нрава. По знаку официантке на столике появлялся запотевший штоф с блестящей обёрткой на горлышке. И случалось, что хлебосольная компания из умиления к ближнему могла запросто угостить незнакомого человека. А уж тем более налить своему! Да хоть такому, как Стёпа Никифорчук.

Он был отличным парнем, но, как всякий, кто серьёзно относится к наукам, сторонился шумных пиршеств. И всё же располагал своей опрятностью, франтоватой подтянутостью и, главное, товарищеским чувством к однокашникам. От них я и услышал эту историю.

Был день увольнения. Все получили стипендию и, наглаживая брюки, надраивая бляхи, весело перемигивались. Тогда слова: «На тебе рубль, ни в чём себе не отказывай», — не звучали иронично. И хотя его называли «деревянным», рубль был надёжен, как козырь из рукава.

Вечерело. Бледнеющие лучи мягко ложились на пыльные листья дикого винограда, обрамлявшие колонны у входа в кафешку. Товарищи сидели кружком за столиком, наслаждаясь свободой и молодостью. Когда их стриженные головы согласно кивнули на предложение взять ещё бутылку «Шипучки», из-за поворота показался Стёпа.

— А, Никифор! Давай сюда, дружище, — оживилась компания.

— Не мешай человеку, видишь, как причепурился. В гости? — на правах старшего спросил Жека. Он тоже успел уже разругаться и рад был пошутить.

Степан остановился в лёгком замешательстве.

— Садись, садись, — широким жестом пригласил Жека. — Глоточек для красноречия! Ты же — к даме? К даме! А женщины молчунов не любят. С ними говорить надо.

Степан хоть и скрывал волнение, внутренне был неспокоен. Но улыбкой преодолел колебание и согласился:

— Ладно! Офицер флота должен быть чуть пьян и выбрит до синевы.

— Точно! — подхватил Жека. — Слегка выбрит и до синевы пьян!

И ритуал приобщения к радостям курсантской жизни продолжился. Никифор выпил, смачно выдохнул и торопливо взглянул на часы.

— Ты чего?

— Да ждут меня. Мы договорились... — пробормотал он, словно оправдываясь.

— Тогда ещё надо. На дорожку, — начальственно произнёс Жека. Но оставалось только полбутылки,

и разливать было нечего. Все дружно посмотрели на Стёпу:

— Давай, Никифор!

Он закусил губу и галантно раскошелился.

— Вот это по-нашему! А-ну покажь гюйс! — И все с завистью посмотрели на его воротник...

Обычно у гюйса тёмно-синяя уставная подкладка. Но из каких-то случайных запасов порой извлекались гюйсы на белой сатиновой основе. И ценились как образец особого щегольства.

— Классно! — оценила братва. Оказалось, что Степан приобрёл его на Староконном базаре, где один выпускник мореходки сентиментально уступил его... за раскрытый секрет трёх полосок.

Степан любил выискивать в журналах морские истории о тонкостях ремесла. И раскопал, что значат три полоски на гюйсе.

— Такой воротник, скажем пока так, — повёл речь Никифор, — накинутый на плечи, придумали ещё древнегреческие гребцы, чтобы прикрываться от солнца. Позже на европейских флотах гюйс использовали как подкладку, защищавшую мундир от пудры, что осыпалась с парика. Потом парики отменили, а квадратный матерчатый воротник стали носить моряки парусного флота. В непогоду они поднимали его и заправляли под фуражки и бескозырки, чтобы закрыться от ветра.

Такая форма была и на кораблях в трёх великих морских сражениях: у Гангута в 1714 году, Чесмы в 1770-м и у Синопа в 1853-м. В честь этих побед и остались нанесёнными три полоски. Само же слово гюйс пришло с голландского флота и обозначает флаг, ко-

торый ежедневно поднимается на флагштоке во время якорной стоянки, — закончил Степан.

— Молодец! Хорошо рассказал! Ну как, народ: за морские победы? Дружно! — призвал Жека.

— Все сразу! — охотно воскликнули курсачи. И тут же каждый захотел напомнить и о себе, не лыком шитом, тоже — знатоке, тоже — романтике.

— А вот вы, а вот вы знаете, почему на морских штанах нет гульфика? А вместо него клапан-фартук, который пристегивается по бокам, — пронзительно, заранее захлёбываясь смехом, закричал Мишаня, Стёпин сосед по койке.

— Ну, давай, травани, — одобрительно поддержал Жека. — Хорошо сидим!

— Так слушайте! — Мишка торжественно поднял палец. — Дело было ещё при Петре! Ходил, значит, царь ночью по берегу. Не спалось ему. Дела, знаете, самодержавные или, может, что-то съел. Идёт, значит, и видит: морячок положил тётку на мешки с инвентарём и это... делает своё дело.

— По согласию? — икнул Митяй, уже перевыполнивший норму.

— Ну, наверно. Не перебивай. — И рассказ продолжился. — Тут как раз вышла луна, и царь увидел своего гардемарина в сверкании голых ягодич. Вначале осерчал, хотел палкой влындить: что, мол, значит, за такая безобразия! Но потом как мужик матросика уважил. А наутро позвал писаря и велел писать державный указ: придворным портным придумать такие штаны, чтобы каждый матрос мог, не снимая оных, с бабой управляться. Ибо негоже bravому моряку при луне голым задом сверкать. Вот и придумали

швачи такой клапан, который спереди всё открывает, а сзади нет.

История понравилась: все ходили в штанах такого покроя. Но Жека резонно заметил, что товарищи знают о морском гардеробе не всё. Он важно вытер губы и произнёс:

— А известно ли вам, почему нам в этом году разрешили носить клёш? В прошлом-то запрещали! Почему вообще морские штаны такие широченные? Тут дело государственной важности!

Все притихли. И Жека, довольный произведённым эффектом, начал:

— Добро на ношение клёшей дал не начальник училища, не министр, а сам Брежнев, генсек партии. Он делал смотр кораблей на параде и между делом спросил, почему моряки клёша не носят? Вот тогда и спохватились, виноваты, говорят, исправимся, и вернулись к давнему образцу. А сказал так Ильич, потому что вспомнил, как в 1943 году он инспектировал Новороссийские военные морские силы, будучи тогда начальником политотдела 18-й армии. Об этом в архиве есть статья из газеты «Правда». Только в «Правде» приврали маленько, написали, что судно подрывалось на mine. Так героичней выглядит. А мне один старик-ветеран рассказал, как на самом деле было.

Сел тогда ещё молодой Брежнев на торпедный катер. Они были лёгкие, быстроходные и поднимали такую волну, что она скрывала их корпус. К дальним походам они не были приспособлены, зато для облегчения конструкции, чтобы увеличить скорость, на катерах удаляли всё лишнее. Словом, гальюн на них предусмотрен не был. А для экстренных случаев

на катере была приспособлена доска, которая чуть выступала за корму. И две верёвки, привязанные к леерам. Чтобы удержаться и не упасть, если облегчаешь желудок, нужно было обладать и сноровкой, и силой.

Собственно, выходы торпедистов были короткими, и никто обычно таким приспособлением не пользовался. Но Брежнев укачался немного, и ему потребовалось оправиться. Дали политруку сопровождающего матроса, тот объяснил, как пользоваться нехитрым устройством. Между тем катер шёл, по привычке не сбавляя скорости, с брызгами врезаясь штевнем в Цемесскую бухту. И тут будущий генсек не удержал равновесия.

— Чо, упал, что ли?

— Упал, Митенька. Прямо в набежавшую волну.

— И что?

— А то, что был бы в стране другой генсек, если бы не матрос. Этот — не подкачал! Прыгнул в воду и, по сути, спас начальство, не дав утонуть. Катер тут же развернулся, Брежнева подняли на палубу. А когда вождь пришёл в себя и стал благодарить экипаж, то с удивлением обратил внимание на то, что матрос был в штанах, а выплыл уже в одних флотских сатиновых трусах.

Тогда и объяснили политруку, что такой крой брюк задуман ещё голландцами, чтоб от них можно было в воде легко освободиться и чтоб они не мешали плыть. Так на параде и вспомнилось главе государства, что морякам следует клеши носить.

Естественно, реплику приняли как руководящую установку и дали добро на клёш. Ну, чего там осталось? Разливай!

Уже почти стемнело. В сумерках острее чувствовался аромат акации. Южный город млел от первого летнего тепла, ещё не назойливого, ещё приятно обдувавшего ветерком. Чуть подсоленным, чуть пьянящим.

Никифор тяжело взглянул на циферблат и навёл в глазах фокус, как в бинокле:

— Опоздал! Лариска убьёт. Что я ей скажу?

— А ты скажи ей, что был с друзьями. Мы все тебе желаем счастья и семь футов под килем. Не веришь? А мы подтвердим!

С этими словами Жека стащил с Никифора его модный гюйс, перевернул его, чинно разгладил тылом руки, словно пергамент, достал шариковую ручку и стал старательно выводить крупными печатными буквами:

«Дорогая Лора. Прости Стёпу Никифорчука».

— «Пожалуйста», напиши, — присоветовал Митяй.

— Хорошо бы. Но уже места нет, — посетовал Жека и продолжил каллиграфию: «Он сидел с друзьями. Мы его задержали. Он тебя любит».

— Любишь ведь? — обратился Жека к Степану. Тот утвердительно кивнул головой.

— Так и запишем.

Наверно, с таким удовольствием только запорожцы писали письмо турецкому султану. Но вот послание было готово, прочитано вслух и одобрено всеми. А следом каждый по очереди поставил под текстом подпись.

Никифор удалялся, делая огромные шаги и маршевыми движениями рук удерживая равновесие. В кулаке он крепко держал гюйс.

Несколько дней он был угрюмым, ни с кем не разговаривал и яростно драил ротный коридор, словно хотел протереть дырку в полу. А что произошло, выяснилось в следующую субботу, когда все свободные от нарядов пошли в новый корпус на танцы.

Лариса стояла у стены, разговаривала с подругой. Ребята переглянулись и подошли к ней.

— Лора, ты это... не обижайся. Это мы Никифора задержали, он шёл к тебе. Нормальный пацан, чего ты...

Тут Лариса и поведала, как прошла встреча:

— Я уже поняла, что ждать бесполезно. Легла. Вдруг в полдвенадцатого ночи истеричный звонок. Открываю, стоит Стёпа, упершись рукой в кнопку. Еле на ногах держится. Увидев меня, вытаскивает из кармана этот ваш гюйс и сует мне в лицо: «На! Читай!». Я, конечно, извиняюсь за свой французский, но сказала ему всё. Словом — погнала. Как он теперь?

— Совестью мучается. Хочет мириться, да не знает, как.

Никифор виновато хлопал глазами. Да так нелепо и искренно, что Лора от волнения чуть не заплакала, зачем-то стянула с шеи газовый шарфик. Степа, судорожно глотая волнение, неуклюже взял её за руку: «Ну... это... ну... ну не хотел я...»

А дальше... Началась другая история. Но она уже касается только двоих.

БОЙТЕСЬ БЫТЬ СМЕШНЫМИ

Работа на флоте требует не только знания специальности, но и умения встроиться в судовую жизнь. Так практика на «паровике» началась с... чайника.

Нас откомандировали на танкер, благо зашедший из Новороссийска в Одесскую нефтегавань.

Местные на радостях разбежались по домам. Только 4-й механик Щукин остался скучать на вахте в машинном отделении. Вахтенное время с 8 до 12 (а особенно — с 20.00 до нуля) не зря называется «прощай, молодость». Вахтенный был отнюдь не юного возраста, но карьеру не сделал из-за своего пакостного характера. То, что он сам страдал от своей неуживчивости — полбеда. Но он заставлял страдать и нас, двух необкатанных салаг.

Машинное отделение, как ёлка гирляндами, было перевито трубами в серебристой изоляции. На высокой ноте вибрировал турбогенератор. Остальные механизмы остывали, понижая температуру атмосферы до 40 градусов.

В этом плавучем филиале Африки свежо было только возле пульта управления, куда были направлены жерла кондиционеров. Там же на проволоках, загнутых крючками, висел чайник. Старый, извлечённый из кунсткамеры допотопной утвари, он покачивался, как запретный плод. На его помятых временах боках выступала испарина целительной прохлады. Щукин наклонил носик, широко разинул рот, и живительная струя полилась в его нутро, словно в воронку. Как

он пил, не понятно. Только кадык обозначал глотки, проталкивающие воду.

— А кружки нет? — спросил я.

— Так пей. По-морскому, — проворчал механик с подковыркой.

Первая же попытка закончилась тем, что вода пролилась на щёки, потекла по подбородку. Он того и ждал:

— Ты шо сюда, морду мыть пришёл? — спросил он с ехидцей. Я отступил. К чайнику подошёл Валек. Он решил переиграть ситуацию и обхватил алюминиевый носик губами. Щукин восторжествовал:

— Это не леденец, чтоб его сосать. А может, дать соску? — И уничижительно произнёс: — Тьфу на вас. В общем, я пошел в каюту. За старшего — дядя Женя. Попробуйте только его не слушать!

По дороге он обернулся и подозрительно лукаво подмигнул своему машинисту.

Воспитание чувств с уходом Щуки и впрямь не кончилось. Женя был родом из Новороссийска, и в Одессе ему спешить было некуда. Он нарочито важно прохаживался около пульта и менторски чеканил:

— Мы попали в шторм. От качки расшатался фундамент котлов. Ждём ремонтников! — Он остановился и сделал многозначительную паузу. — А пока нужно тщательнейшим образом следить, чтобы котлы не разошлись. Поэтому нужно каждые 10 минут, — слышите: де-сять! — измерять между ними расстояние. Это — ваша задача! Из машины — ни шагу! На мины пироги пойти не получится.

С этим он дал промасленный брус, видимо, приспособленный для таких флотских шуток, потому что дёревяга в аккурат была по длине от стенки одного кот-

ла до другого. Мы приложили брус раз, два и поняли, что нас беспринципно разводят. Вспомнился курс инженерной психологии: самое печальное на флоте это попасть на язык экипажу. Бойтесь быть смешными.

— Они нам делают волны, — процедил Валеk сквозь зубы.

— Идём на волну, — процедил я, как отзыв на пароль.

Жени не было. Наверное, пошёл к Щуке, и сейчас эти маслопупы потешаются над нашим мартышкиным трудом. Зато в слесарную мастерскую можно было войти незамеченными. На щите висела ножовка: режем! Мелкие зубчики впились в древесину, волокна похрустывали, как Буратино луковкой, уступали железному напору инструмента. И вот мы аккуратно смели опилки, натёрли промасленной ветошкой свежий торцевой срез, водрузили ножовку на место. Сосновое мерило стало короче на толщину двух пальцев: Валека и моего.

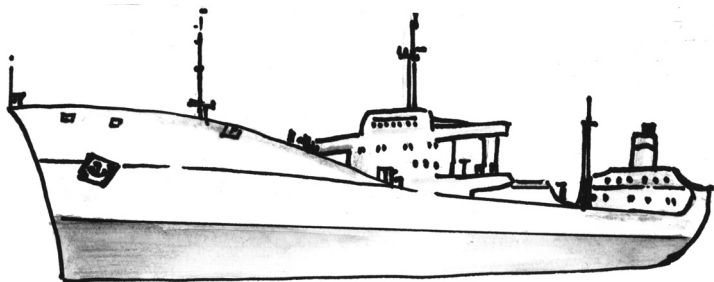
Дальше всё было просто: мы позвали Щуку. Он глупо хлопал глазами, соображая, как такое могло произойти. Потом в сердцах обругал Женю, по недогляду которого не состоялась комедия. И примирительно буркнул нам: «Ладно, хохмачи. Валите на фиг домой до утра».

ДОГОНЯЛКИ В ГАВАНСКОМ ПОРТУ

В первый раз я попал в Гавану, будучи практикантом-третьекурсником. За спиной вращались в берега цветные домики Босфора. Черноглазый лоцман выпустил дым сквозь густые турецкие усы, ругнулся по-русски и сошёл на катер.

С этим же закончилась неизбежная на советских судах «вахта бдительности».

А так на каждой палубе справа и слева по бортам выставлялись по два члена экипажа, которых инструкция обязывала следить, чтобы никто не вздумал прыгнуть за борт. И доплыв до близкого берега, не дай-то Боже выдать государственную тайну. Превентивные меры были излишними, потому что по договору с Турцией таких авантюрных мигрантов тут же возвращали назад. Сама же тайна была никому не ведома. Но — бдили!

А винт накручивал морские мили. Медленно отступил за корму греческий мыс Матапан, проводили дельфинами Геркулесовы столпы, и волнистым простором потянулась Атлантика. Созвездия менялись рассветами.

Но вот по утрам на главную палубу перестали выскакивать летучие рыбы. На глаза чаще стали попадаться плавающие разбитые ящики, пустые бутылки, прыгающие, как поплавки. И стало ясно, что — скоро земля!

За семнадцать дней перехода не хватало не только её домов, дорог и перекрёстков, но и, на удивление, — не хватало пыли. Да, обыкновенной, серой. Зато, когда наш сухогруз-увалень, отдуваясь, пришвартовался в гавани, оказалось, что в порту этого добра в избытке.

Моряки, совершавшие подобные рейсы уже десятки раз, не любили Кубу: страна была бедная, отовариваться нечем, поэтому никто даже не сходил с борта. Но мне «по первой ходке» она открылась царством сиреневой сьерры, экзотических цветов, рифов и розовых каракол, хранивших шёпот глубин Мексиканского залива. Всё впечатляло: здание — копия американского Капитолия, видимое из порта, массивная архитектура интерклуба, где из уважения к советским морякам показывали фильм «Четыре танкиста и собака» на русском языке, да и сами смуглые кубинцы с белозубыми улыбками.

Хотелось пройтись, потоптаться что ли, попрыгать, словом, почувствовать под стопами привычную твердь — сушу.

Жизнь на судне малоподвижна. И после долгого застоя тело ныло и буквально требовало физической нагрузки. Я надел кеды, лёгкий спортивный костюм, спустился с трапа. Вахтенному матросу, как и всем, отнесившимся к Кубе по-соседски, даже не пришлось в голову останавливать меня.

— Шо, пробегтись хочешь? Во, чудак! — только и сказал он.

Гаванские докеры удалились на сиесту. Причал был совершенно пустой, расчёрканный рельсами, через которые уверенно переползали большие рыжие тараканы.

О чём-то предупредительно крикнула чайка.

Я несколько раз с удовольствием присел, слегка размялся и амосовской трусцой направился в сторону, где пёстрыми кубиками громоздились штабеля контейнеров. В ноздри ударило запахом выхлопных газов, далёким травяным ароматом и свежестью ветра. Пробуждённая движением кровь горячо пульсировала в висках. Счастье было полным, потому что делить его было не с кем.

...За спиной послышалось сопение и осторожные, но тяжелые шаги, будто кто-то, крадучись, двигался следом. Мне не хотелось соизмерять с кем-либо ритм своего бега, и я чуть увеличил скорость. Но бегущий сзади тоже ускорился. Я поднажал — но и тот, который сзади, тоже прибавил ходу. Я быстрее — и он быстрее. Я свернул в проход между контейнерами, но, чувствую, и он — за мной. Что за догонялки!

Я обогнул небольшое складское помещение, стоявшее на пути, и оно на минуту скрыло меня из вида.

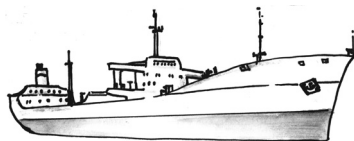
На развилке я уже намеревался повернуть в сторону судна, как со спины кто-то прохрипел: «А ну, стоять!»

Я оглянулся. Обливаясь потом, отдуваясь и фыркая, ко мне приближался помполит. Одутловатое лицо его покраснелось, он тяжело дышал, точнее — переводил дух, жадно глотая воздух: «Куда! Бежать?»

И тут я понял суть преследования. Первый помощник капитана, вначале решив понаблюдать, куда я направляю бег, спохватился и пустился вдогонку. Но спортивной выправки ему не хватило. На финишной прямой он просто согнулся и грузно переваливался, перенося вес с ноги на ногу. Но в глазах его блуждала казённая решимость пресечь непорядок. И досада, пришедшая с пониманием комизма такого «физкультурного» способа пресечь побег на своей, в доску демократической Кубе. Погоня хорошо была видна с высоты мостика.

По правилам, происшествие предполагало принятие каких-то контрмер. Но предавать случай официальной огласке было глупо. Помполит обозвал меня нарушителем, сказал, что прощает за молодость. И отправился в душ.

А кросс остался историей, косточки которой ещё не один день перемывала команда на обратном пути.

ЛОВЕЦ МОМЕНТА

По своей морской специальности Мишка Кравченко был радистом на сухогрузе из серии «писателей»: «А. Грин», «Н. Гоголь», «А. Гайдар», «В. Белинский», — всего два десятка судов. Но по призванию он был фотографом. Не просто рядовым штамповщиком портретов под щелчок «вылетающей птички». А — человеком, который это изобразительное ремесло поднимал до уровня мастерства как неотъемлемой части искусства.

В свободное время он не расставался с «ФЭДом»*. И с терпением охотника, выжидающего дичь в засаде, мог часами подстергать удачный кадр. А увидев достойный внимания объект, молниеносно направлял на него циклопий глаз объектива. Мишка был непревзойдённый ловец мгновения.

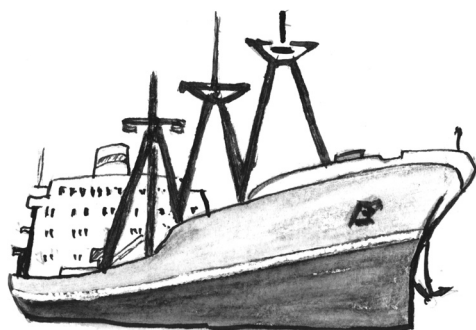
Но по-настоящему сладко его сердце замирало, когда он начинал колдовать над обработкой плёнки. Извлекая её из кассеты так, чтобы не коснуться глянцевої поверхности, заправляя её по спирали в бачок и старательно промывая, он буквально священнодействовал. Ритуал проявления плёнки вызывал особое благоговение, когда в темноте при таинственном свете красной лампы из раствора начинало проглядывать лицо, обретать рельеф и мимические черты, обнажающие характер. Это было не хобби, которым за-

* «ФЭД» — марка фотоаппарата (аббревиатура от Феликс Эдмундович Дзержинский).

нимались многие моряки, это был момент узнавания собственной истины.

От таких подвижников, как Мишка, произошло нынешнее понятие «фотохудожник», каким он и стал впоследствии, когда сошёл на берег. В обычном же флотском распорядке он числился «морковкой», как интерпретировали моряки имя изобретателя беспроводного телеграфа Гульельмо Маркони.

Мишка закончил дежурство в радиорубке и, стряхивая с головы мошкару точек и тире, вышел на палубу. Вокруг расплескало синеву Средиземное море. Команда ещё не отошла от прощальных рукопожатий, обещаний писать, женских слёз и домашней кухни. Все свободные от вахт оставались в каютах и не были расположены к общению, которое мешает думать о своём. На корме сидел только Федя, балагур и собиратель юморных приколов. Он хмуро затягивался сигаретой. На проводах в буфете морвокзала Федя выпил больше, чем полагалось для самоконтроля,

и рассказал пару таких анекдотов, после которых ему действительно порекомендовали держать язык за зубами. Но молчать словоохотливому человеку всё равно, что пережевать горло собственной песне. И он не смог удержать тут же созревшую шутку, едва Мишка оказался рядом:

— Что, Циклопыч, отстучал свои часы? А скажи: трудно снять обнажённую женщину?

— Федя, ты неисправим! Ну, травани чего-нибудь для поднятия духа.

— Знаешь ведь, не трендеть была команда! А то ляпну что-то...

— А ты мне на ушко. Ты да я, свидетелей нет, никто и не узнает.

Федя испытующе окинул взглядом Мишку, затянулся, чтобы продлить паузу. Держать рот на замке ему было трудно до боли, просто челюсти сводило.

— Ладно. Слушай. Сидит чужак дома, набирает по телефону соответствующий номер и спрашивает: «Это КГБ?» — и тут же бросает трубку. Опять накручивает диск, задаёт тот же вопрос и обрывает связь. Третий раз звонит: «Это КГБ?». А ему по плечу майор уже хлопывает: «КГБ, КГБ, он самый. Собирайся. Так-то!»

Рейс шёл своим чередом. Вахта сменяла вахту, борщ подавали наваристый, картошку не пережаривали, механизмы работали исправно. И всё же иногда накатывала волна беспричинного беспокойства. Так подсознание улавливает хрупкие сигналы из будущего и рождает предчувствие.

Между тем переход через Атлантику заканчивался. Надо было готовиться к выгрузке. Всё чаще встре-

чались пароходские суда, идущие обратно. И те, кто работал на палубе, приветствовали земляков, которые с жёлтым сахаром-сырцом на всех парах шуруют к дому.

Судну спокойнее в порту, но оно ведь — не для того. Привычное к непостоянству, оно знает только временный приют у причала. Таким в то лето оказалась Гавана. Порт не совсем чужой, поскольку почти все кубинские грузчики хоть немного, но знали русский язык.

Они легко переносили тропическую жару, да и работали спустя рукава. А в перерыве рассаживались с теневой стороны трюма, деловито кололи лед, со звоном бросали в кружки и заливали его белым гаванским ромом.

— «Дайкири», карашо-о! — приглашали они присоединиться членов команды, поднимая кружки. Но моряки показывали пальцами себе на плечо, где обычно у спецслужб пришпилены погоны, и, разводя руками, отрицательно покачивали головами. Кто-то из кубинцев подходил, участливо стирал пот с виска одного из них и сочувственно произносил: «Mucho trabajo». «Мучо трабахо» означало много работы!

— Мучо мучачос, — дразнили их в ответ моряки: «mucho muchachos», дословно означая «много мальчиков», звучало как намёк на то, что, если нарожал детей, нужно больше работать, чтобы их прокормить. В ответ кубинцы лыбились и жестами показывали, что они не против интимных отношений со своими женщинами. Так что пусть их рожают.

Советским морякам разрешалось довольно свободно перемещаться по территории острова. А поездка, например, в дом Хемингуэя или на пляж была делом приятным.

Утром всем, свободным от вахт, было предложено собраться у трапа. Уже с пролётным сквознячком пронёсся слух, что поездкой руководит старпом, потому что помполит, как видно, запил. Не с горя, а от безделья. Пока моряки искали плавки, сворачивали одеяла за неимением подстилок, протирали солнцезащитные очки, запасались сигаретами, Мишка заглянул ко мне в каюту и шёпотом произнёс: «Идем! Давай, пока никто не видит».

Мы прошли по коридору на цыпочках и остановились возле приоткрытой двери в каюту первого помощника. Борис Семёнович дрых, развалившись на кровати, даже не скинув туфли. Он сладко посапывал, разомлев от жары и виски.

Мы переглянулись, посмотрели по сторонам... Никого не было! Мишка с ловкостью ковбоя, доставшего «Кольт», высвободил свой фотоаппарат из футляра, взвёл и лёгким нажатием на спуск запечатлел компроматную картинку, так... для будущего. Снова оглядевшись и удостоверившись, что никто не мог быть очевидцем нашей выходки, мы быстро двинулись на причал, где ждал автобус.

Он ехал мимо пальм, банановых плантаций. За окном мелькали диковинные красные цветы, вдали силеневым абажуром распластались пологие склоны сьерры. Наконец, сверкая белым песком, открылся пляж Бакуранао (Playa de Bacuranao).

Купаться не хотелось. Вода достигала 32 градусов и не освежала, а только возбуждала жажду. Главной

достопримечательностью стали пальмы с гроздьями кокосов и кривыми печатными буквами на фанерных табличках: «Арехи не рвать. Кроме русских». Сидеть в тени широких листьев и пить холодное пиво было наградой за долгий переход через океан. Мы фотографировались возле предупредительных табличек, в обнимку с шершавыми серыми стволами, на скамейке возле магазинчика, накапливая фотосюжеты для воспоминаний.

...Погода настал черед и нашему «письменнику» возвращаться назад, по ходу приветствуя встречающих посланцев на Остров Свободы.

С приближением к дому воображение всё больше рисовало картины встречи, оживляло вид дворика детства под Новым базаром, напоминало о недоделанных делах и необходимости вернуться к записям, которые давно пора было привести в порядок. Уже больше сводок о погоде интересовало, как сыграл «Черноморец» и насколько изменились цены на автомобили. Как вдруг Мишка вошёл ко мне бледный, озадаченный и тихо толкнул в бок: «Смотри!».

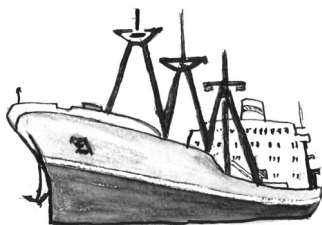
Обработанная реактивами плёнка оказалась полностью засвеченной. В конце рейса Миша достал её запакрованную в кассету, как всегда, с тихим трепетом. Бережно произвёл ритуал проявки. Допустить оплошность он не мог! Теперь оставалось только верить своим глазам: плёнка до последнего кадра была испорчена.

Кто-то прошёл по коридору, остановился у неплотно закрытой двери. Нас обдало холодком, слов-

но тот службист из анекдота похлопал по плечу и сказал: «Ну, ребятки. Приплыли».

— Ну, ребятки, как рейс прошёл? — в дверном проёме показался помполит, до странности точно уловивший момент нашего замешательства. — А, уже собираете вещи? — он с показным интересом взглянул на полоску плёнки, темневшей в руках у Мишки, хмыкнул и неторопливо двинулся к выходу на палубу.

Мы стояли, поникшие и озадаченные. Правда, обошлось без последствий, наверное, всё же ввиду излишней наглядности одного из кадров, о котором пришлось бы сказать при выяснении обстоятельств. Но навсегда осталось загадкой, как узнали о нашей проделке, кто вытащил и засветил плёнку, а потом смотал и вставил обратно в кассету. Зато поверилось уже не понаслышке, что секретная служба на судне — это серьёзно! И пока ты на борту, о тебе знают «всё»! А может, и даже больше, чем ты сам знаешь о себе.

ИГРОК ПОЗНАЁТСЯ В ИГРЕ

«Русская тройка» за рубежом

Говорят, на каждом судне был свой стукач. Не правда: их было много! Система тотального кругового наблюдения, как воронкой, вовлекала в их число буквально всех, кто работал на флоте.

До сих пор моряки без удовольствия вспоминают «русские тройки» — группы из трёх человек, которых в увольнение отпускали только вместе. Инструктируя перед выходом на берег, помполит беседовал отдельно с каждым из трёх и наказывал ему следить за другими двумя членами команды. В итоге получалось, что все присматривали друг за другом. От этого отношения в группе были не менее сложными, чем в любовном треугольнике.

Бывало, морячок хотел выпить стаканчик заморского джина или бренди, или ещё чего экзотического, чтобы прихвастнуть дома. Но вынужден был стоически проходить мимо бакалеи, заверяя, что хлебать «всяку иху гамулу» не намерен. А о том, чтобы заговорить с местными девушками, даже речи быть не могло. Прогулка превращалась в поход по магазинам с единственной целью купить что-то на продажу.

Конечно, давая отчёт на борту, никто не докладывал о нарушениях. Но приходилось с опаской оглядываться на двух других членов тройки, которые могли оказаться более откровенными.

Наша тройка была тем редким исключением, когда все друг друга хорошо знали, и можно было не разыгрывать уставника. Так совпало, что Мишка с Федей учились в одной школе, я жил по соседству, и у нас были общие знакомые по районному «хутору».

В увольнении мы купили колоду карт красивых, но вполне приличных. Они лоснились моющим глянцем, легко тасовались. Чтобы играть в популярного тогда кинга, оставалось найти ещё одного игрока.

Четвёртым будешь?

Наш триумvirат стал обсуждать кандидатуры. Бездоказательно подозревать ближнего — нехорошо, проявить легковерие — опрометчиво, подавить чувство противостояния и отказаться от затеи — жалко. О том, что азарт сопряжён с риском, а риск с ответственностью, думать не хотелось.

Я возился с кипятильником, Мишка, развалившись на диване, по привычке постукивал пальцами по столу. Непоседливый Федя начал напевать какую-то разухабистую картёжную песенку:

*Вот подходит средний карапуз.
Это, папа, карта будет туз.
А вот эта карта дама,
Бьёт вальтов, как бьёшь ты маму,
Это намотай себе на ус.*

— Ну и как вам обрисованный портрет личности? — важно спросил он, закончив соло. — Что, никого не напоминает? А электрик наш Юрчик-мурчик?

Спору не было: электрик точно подходил под описание песенного персонажа. Он был невысокий, плотный, с круглым животом, будто проглотил глобус. Таких в Одессе называют «буц». Своё раннее облысение он со вздохом объяснял тем, что уж очень баб любит, и они отнимают у него весь тестостерон. Словом, подходил на роль недостающего игрока.

Карточная арифметика

Обычно моряки в свободное время воевали в шеш-беш. Соперники по очереди бросали кубики и в соответствии с выпавшим количеством точек переставляли фишки по разлинованной доске. Чтобы поддержать интерес к этому времяпровождению, распространялось мнение, будто после месяца ежедневных игр в шеш-беш уровень интеллекта повышается на 10 %.

А карты... Они были отнесены к азартным играм, то есть чреватой расплатой. И потому были запрещены на флоте, отчего и были привлекательны.

Мы сидели в каюте и похлёбывали чай. Федяй тасовал колоду и поучал: в кости играли ещё при царе Горохе, ещё древние греки грешили преступной страстью к азартной игре, ещё в древней Индии некий принц продул всё своё богатство, потерял весь скот вместе с собственной женой. Вернее, она сама от такого ушла.

— Карточная система создана не от фонаря, — продолжал Федя. — Смотри, караси, возьмём, к примеру, колоду из 36 карт. Четыре масти — четыре времени года. В каждой масти от шестёрки до туза —

9 карт. Тебя сколько месяцев вынашивали? Ото ж! А если взять полную колоду из 52 карт! То в каждой масти их по 13, тоже непростое число. Если сложить все карты с числами, то есть шесть, плюс семь, плюс восемь и так далее, то получим сорок. А из чего состоит сорок? Из пяти карт числовых, умноженных на восемь, а восьмёрка — денежное число. Но у нас в кинга тридцать два листа. Получается, каждая масть представлена четырьмя числовыми картами и четырьмя картинками. Поровну, а в сумме та же восьмёрка. В общем, математических комбинаций — на целую диссертацию.

Этот умник и убедил электрика сесть за стол и включиться в игру. На кону стоял просто уговор, что, когда придём домой, проигравший угостит остальных пивом.

На то и щука в море, чтобы карась не дремал

Запирать каюту на ключ, когда судно в рейсе, считалось позорным недоверием к товарищам по команде, и было недопустимо. Такая традиция существует на всех флотах мира со времён незапамятных. Но и без стука согласно морскому этикету никто к тебе не должен входить, даже капитан. Мы готовы были мгновенно спрятать карты, если вдруг в двери постучат.

Казалось бы, знать о нашем крамольном времяпровождении никто из экипажа не мог. Однако через три дня Мишка встретил меня на корме и многозначительно прошептал: «Помпа, щука хищная, вроде как в шутку поинтересовался, не на деньги ли мы играем. И при этом щурился ехидно».

Сердце похолодело, а потом пытливо забилося: «Кто? Ну какая с...?»

Однако домыслы и слухи — не доказательство. Чтобы предъявить мотивированное обвинение, нужно было застать нас на горячем. И мы в рамках нашего трио условились, что сегодня вечером во время игры никто не будет выходить из каюты. И мы будем наблюдать друг за другом не по казённой указке, а всерьёз. А если приспичит? В — умывальник!

И вот настал вечер. Завтра Лиссабон. В Бискаях, как всегда, качает, но, по счастью, не сильно. Судно медленно переваливается с бока на бок. Сдали на первый круг, раскрыли веера карт. Сыграли раз, оживились. Переглянулись: давай по второму разу? Только вдруг Юрчик спохватился: «Стой, братва, на минутку в машину надо: со щита показания снять, мне же электромеханик задание дал».

Ну, надо так надо. Служба в первую очередь! Мы замолчали и стали ждать. Напряжение росло. Кондиционер не работал, и в каюте стало жарко. Мишка шагнул к иллюминатору, открыл круглое стекло, высунул руку и определил, что ветер не попутный. Медленно достал сигарету. Затянулся... Машинально сжал пальцами колоду...

Все знали о существующей системе доношительства, но никто не знал исполнителей этой тайной процедуры. Это рождало подозрительность, утомляло недоверием. Но иногда проскальзывало даже в некотором роде сочувственное понимание человека, который не по доброй воле капает на ближнего, а яв-

ляется жертвой интриги, когда ему предъявляется досье со всеми его грехами и делается предложение, от которого нельзя отказаться.

С точки зрения власти осведомители необходимы. На официальном языке это называется сотрудничеством, а поскольку оно секретно, такой человек сокращенно называется сексот — секретный сотрудник. Его задача слушать, смотреть, а когда позовут, делиться сведениями. Для маскировки им даже рекомендуется участвовать в небольших нарушениях. Хотя бы в таких, как игра в карты.

Минуты шли. Холодок тревожных предчувствий усиливался. И вот: лёгкий шлепок ладони по двери, ручка стронулась и поползла вниз... Да! Враги преферанса — шум, скатерть и... помполит. Он встал на пороге, недобро повёл глазами и иронично спросил: «Ну, и чем занимаетесь?».

Мишка сразу сообразил, что дело — кранты и выставил руку в иллюминатор. Карты из разжатой ладони подхватил ветер, унёс их разноцветную стайку в море.

Помполит с кривой усмешкой посмотрел в круглую черноту иллюминатора. И, поворачиваясь, чтобы уйти, через плечо сказал с досадой: «Сидите, значит. Курите. Ладно-ладно».

Электрик появился сразу, чуть не столкнувшись с помполитом на выходе. Он всем своим видом показывал, что готов с нами разделить остроту ситуации. Но наткнулся на наши взгляды и, помявшись, пробормотал: «Обошлось? Ну, я пойду. Там ещё надо...»

Его никто не задерживал.

Обиды не вечны

Заход в Лиссабон не подтвердили. Мы постояли на рейде, полюбовались огнями дивного города, послушали по телевизору португальскую речь, шуршащую, как галька в прибое. И развернулись на Одессу.

— Чего будем делать с этим электровеником? — поинтересовался Федя. И тут же выдал очередную историю, как пираты пропускали под килем провинившегося члена команды. С бака заводили канат, проходящий под днищем. Каждый конец каната привязывали к руке штрафника и бросали его за борт. А с другой стороны тянули канат на себя и так протягивали бедолагу под днищем судна, пока его голова не показывалась с противоположного борта. Шансов уцелеть было не много.

По приходу Юрий сразу списался в отпуск. Он прошёл с чемоданом, сухо кивнул: «Пока», — и, опустив глаза, двинулся вниз по трапу.

А мы втроём встретились в припортовом кафе-баре «Золотой якорь». Все в выигрыше, поскольку отделились минутным волнением. В аккурат подвезли свежее чешское пиво. Если верить Фёдору, лучшее средство для снятия стресса.

ОДЕССКИЙ ЛЛОЙД

Одной из причин, по которым я ушёл с флота, было неумение приспособиться к работе в атмосфере слежки и доноительства. Но я успел пережить пассионарный восторг, с каким первопроходцы открывают новые страны. Из одной такой я только вернулся, превратившись из практиканта в обладателя корочек машиниста 2-го класса. И теперь намеревался продолжить повышение своего плавательного ценза в новом качестве. Поэтому с утра собрался в отдел кадров.

Это было большое здание на краю зелёного склона, обрывавшегося у стен порта. Высокие окна снисходительно поглядывали на моряков, толпившихся во дворе и около ворот. Они приходили по вызову или просто с надеждой получить назначение в рейс. К некоторым ответ приходил спустя два-три дня. Но иным приходилось околачиваться здесь неделю, две, а иногда больше, если ожидаемое судно задерживалось.

Но никакие непредвиденности не могли изменить порядка, по которому каждое утро нужно было отмечаться у инспектора и часов до трёх ждать, вдруг поступит команда оформляться и собирать в дорогу чемодан.

Ожидание — утомительно. Оно было бы совсем тягостным, если бы не пивная, расположенная наискосок от отдела кадров. Промежутки времени, сухо отмеряемые маятником, не так продолжительны, когда они заполнены радостью встречи и дружеской беседой. Так и было в подвале на улице Энгельса, позже обретшей исконное название Маразлиевской

в честь любимого народом городского головы Григория Маразли. Особую прелесть заведению придавало его примыкание к угловому дому, в котором во время своих приездов в Одессу жил замечательный русский писатель Александр Куприн. По слухам, именно там он и написал свой знаменитый «Гамбринус».

Современный подвал, о котором идёт речь, не был воспет в литературе, но в среде моряков был не менее популярен, чем его хрестоматийный прообраз. И даже имел своё название «Одесский Ллойд». Бывалые люди, как по трапу, спускались в его полутемную прохладу, преодолев три больших неровных ступени, и попадали в круг добросердечия и грубоватого понимания, поддержанного ядрёным пенистым напитком.

Там же и разъяснялось салагам великое значение Ллойда в системе мирового мореплавания. В Лондоне некто Эдвард Ллойд был содержателем приморской кофейни, где собирались британские поручители, страховщики, судовладельцы, фрахтователи, чтобы обменяться новостями о судах, спросе на грузы и в выгодах рынка морских перевозок. В 1760 году там была основана добровольная ассоциация судовладельцев, судостроительных фирм и страховых компаний. Она переросла в классификационное общество Lloyd's Register of Shipping, которое и сегодня является эталонным в мире судоходства.

Не сговариваясь, все стали называть погребок «Одесским Ллойдом». И оказалось, оно ему в самый раз. Он постукивал полными кружками, как прибой морскими камешками. За столиками встречались бывшие однокашники, моряки, работавшие на судах одной группы. И вели бесконечные разговоры о том, кто получил повышение, кто попал в штрафики,

кто развёлся или растратился из-за глупой страсти к буфетнице. Морские истории сменялись профессиональными спорами, пароходские слухи — сведениями о ценах на толчке.

Мы, уже «обморяченные» курсанты, стояли у входа в «Ллойд» под виноградом, похлёбывали пиво и переговаривались, перемежая прагматику с техническими показателями.

— Ну что, как сходили?

— Сделали чистку двигателя. Шли 26 узлов!

— Тюля, я не про скорость: как отоварились?

С третьей кружки Лёша начинал читать стихи, которые всем нравились своей нарочитостью:

*Розу алую в пыль затопчу я ногой
За бокал, поднесенный матросом с серьгой.*

— Класс! А знаешь, почему матрос с серьгой? Её давали за прохождение возле мыса Доброй Надежды. Такой трамп* мог потом выпить, сидя в присутствии капитана. Один раз, конечно. В знак особой дерзости, проявленной во время прохождения.

Португальский мореплаватель Бартоломеу Диаш, открывший в 1488 году этот мыс, назвал его мысом Бурь. Возле его скал встречаются Атлантический и Индийский океан. В этих водах погибло множество кораблей, огибавших Африку, чтобы избежать платы за использование каналов. Сентиментальные моряки опоэтизировали эту точку земного шара и окрестили мысом Доброй Надежды. Более красивого имени нет ни у одной географической достопримечательности.

* Трамп — морской бродяга.

Когда настала моя очередь рассказывать о плавании, я начал вспоминать Кубу. Хэмингуэя. Маленькие сказочные порты Ла-Исабель, Сан-Мариэль с именами, звучащими, как музыка.

А потом была Гавана, жизнерадостные кубинцы, привыкшие к липкой жаре. Загар ложился на руки, как крем. А вечером под душем так же легко смывался. На небе висели дождевые тучки. Когда из них изливалась вода небесная, над морем стояли водяные серебряные столбы. И на глазах рассеивались, когда туча оказывалась выжатой, как губка. Температура морской воды доходила до 32 градусов, и она не успевала охлаждать турбины. Поэтому танкер, покидая Гавану, шёл на малых оборотах, так что удалось рассмотреть легендарную набережную Малекон.

Нас сопровождал западный ветер и приносил с берега бабочек, стрекоз на протяжении почти дня пути. Птицы залетали ещё дальше и приносили запах травы и деревьев, тепло нагретой тропической земли. Я сказал, что мне нравится запад. Собственно, весь путь в направлении Гаваны мы держали курс на восток.

Пока я говорил, откуда-то по-кошачьи мягко от группки пивных собеседников отошёл человек в неброском сером костюме. Как-то бочком невзначай он оказался возле нас. И так же улыбался, поплёскивал очками и слушал. Внимательно, словно хотел запомнить всё до последнего слова. Потом, когда мы уже в экипаже начали выяснять, с чьей стороны он был знакомым, оказалось, что его никто не знает. Но каждый думал, будто он товарищ кого-то из нас. Пришлось ещё раз поразиться умению людей из органов прикидываться своими в доску.

Очкарик, видно наслушавшись достаточно компромата, мягко прервал общую беседу и с ехидной вкрадчивостью переспросил: «Запад, значит, любите? Ну-ка, ну-ка, молодой человек...» И он цепко взял меня за рукав.

Запад тогда считался синонимом капитализма, который любить не полагалось. И безобидные слова воспоминаний могли быть истолкованы как фрейдовская оговорка, обличающая какого-нибудь иностранного агента, отдыхающего после шпионских злодейств.

Очкатый держал крепко и тянул на себя. Кончилось бы это большими неприятностями для меня, но сработал приобретённый в рейсе опыт. Я крикнул незнакомцу в очки: «Одну минуточку, сейчас разберёмся!» — резким круговым махом освободился от захвата, перескочил через клумбу и плюхнулся на сиденье возле скучавшего таксиста: «Гони!». «Куда, к бабе?» — обрадовался он клиенту.

— Ага! Вперед!

Машина дрогнула и с низкого старта рванула, унося меня от греха подальше. А моя братва тоже решила уйти от проблемы и бросилась врассыпную, прикрывая лицо фуражкой-«мицей».

В зеркале заднего вида я увидел, как очкатый стоял на дороге и грозил кулаком вслед удаляющейся машине. И только!

Следующий рейс состоялся. Он был — во Францию.

...РОМОМ ПАХНУТ СУМЕРКИ

1

Стармех тяжело поднимался по трапу, вдавливая шаги в ступени. Он остановился перевести дух и глянул из-под руки на солнце. В лучах зависла стрела кра-на, повернулась, и по небу медленно пополз к трюму деревянный поддон, на котором стоял штабель из прижатых друг к другу картонных ящиков. Вахтенный у трапа тоже посмотрел на палету, но против света ничего не разглядел. Стармех, кряхтя, словно с доса-дой, взошел на борт.

— Дедушка, доброе утро. Что это мы грузим?

— А, наш новенький. Вчера приехал? — кивнул он матросу. — Это, братец, ди-на-мит! — Произнёс он почти зловеще. Потёр ладонью затылок и скрылся во тьме дверного проёма.

Вахтенный пожал плечами и снова попытался раз-глядеть, что написано на подаваемых снизу упаковках. Мимо озабоченно прошагал боцман.

— Николаич, что за груз?

— Страшно сказать. Кодовое название «гембель».

— Санёк, что вы такое грузите? — ухватил вахтен-ный за рубаху матроса, который, надевая рукавицы, спешил к носовому трюму.

— Ой, лучше не спрашивай, — крикнул он через плечо, на ходу схватившись руками за голову.

Но какие могут быть тайны в этом маленьком пла-вучем государстве, населённом любопытными моря-

ками? А сейчас одинаково оглушёнными египетской жарой и ржавым скрежетом порта Александрия!

Ветер сдувал пыль с причалов, поднимал над рифлёными крышами складов, и она медленно оседала на стоящие поодаль редкие пальмы. Злые чёрные мухи жужжали над разбросанными по земле арбузными корками, бурыми лохмотьями банановой кожуры, досаждали спящим грузчикам-арабам. По мутной, почти коричневой воде акватории рассеялись грязные лодки, баржи-развалюхи, качался измазанный мазутом катерок, который никак не заводился. И по горячему воздуху растекались редкие выхлопы сизого дыма.

На фоне этой «шехерезадной» экзотики белые борта учебно-производственного теплохода «Профессор Кудрагин» были как укор этому раскардашу. А команда поражала александрийских портовиков слаженностью действий и заметной охотой, отчего погрузка спорилась.

Вахтенный сменился, решив не задавать лишних вопросов. Но прежде, чем направиться в столовую, перегнулся через край трюма и заглянул внутрь. Ящики плотно примыкали один к одному, как соты. Сбоку на каждом были чётко обозначены две параллельные стрелки, предупреждая, что груз нельзя бросать. А рядом маркировочный знак в виде силуэта рюмочки однозначно свидетельствовал, что груз бьющийся и требует осторожного обращения. Шевеля губами, вахтенный прочитал: «Mitchell Rom». Он понимающе присвистнул и двинулся к другому трюму. Там он уви-

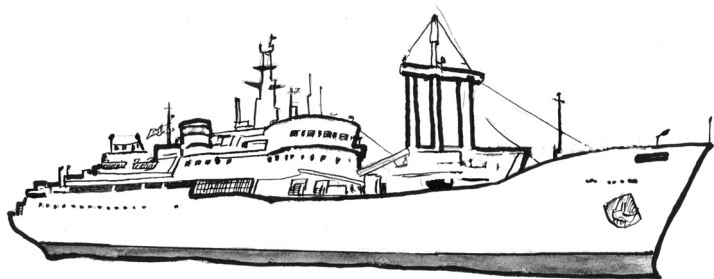
дел на упаковках те же указатели на деликатный способ обращения с грузом, сопровождавшиеся надписью «D’Habitant. Rhum». Египетского разлива.

Шариат предосудительно относится к потреблению вина, но не внёс предписаний по поводу 43 % рома. С этикетки смотрел курчавый арабский паренёк, видимо, чуть хлебнувший из горлышка для широты рекламной улыбки.

На палубе появился второй помощник, ответственный за состояние трюмов, погрузку и собственно груз.

— Микола, не засматривайся. И чтобы ти-хо! — он приложил палец к смеющимся губам. — Всё: сменился — топай.

— Что вы, Геннадиевич. Никому ни словечка, — сводя брови для серьёзности, как на собрании, заверил Николай. И пропев себе под нос: «Так-так», — вразвалочку двинулся на разведку к следующему трюму, забыв про обед. Воистину любопытство сильнее голода.

Запивая макароны по-флотски холодным компотом, он точно знал, что судно будет под завязку начинено ещё высокоградусным напитком «Havana Club»: тем самым, который со льдом любил Хемингуэй. И бальзамом «Абу Симбел», настоящим на натуральных травах. И ещё понял, что в связи с этим рейс будет совсем коротким: загрузились и — домой.

Зато скоро можно будет пережить беспокойную радость, проходя Босфор. Бывалые морские волки расходятся по каютам. Но тем, кто ещё не наглотался соли морских странствий, не спится. Они собираются на корме. Много и без надобности курят, размашисто ходят вдоль борта, опять же без надобности. Говорят неизвестно кому: «Ну, ещё немного и — дома!». За спиной остаётся полумесяц со звездой, словно часть турецкого флага. И тёплым комом подкатывает к горлу необъяснимое чувство родины. Глубже дышится, дольше мечтается...

По мере того, как над портом густели сумерки, утихали крики грузчиков и зажигались прожекторы. Светотени от жёлтых фонарей сделали судно таинственным. В его регламенте и правда что-то изменилось. Куда-то запропастился руководитель практики, обычно ходивший, заложив руки за спину и пальцем властно подзывавший курсанта: «А ну подойдите. Я вас узнал. Как ваша фамилия?». Кто-то заглянул через щёлку в его каюту. Он сладко спал, и магнитофон напрасно изливал шлягер: «Ямайским ромом пахнут сумерки...»

Вахтенным у трапа оказался опять новенький матрос. Он посмотрел на ребят мутноватыми глазками,

в них приплясывали весёлые огоньки: «Ух! Смотри у меня. Са-ла-ги». И грузно облокотился на планшир.

Мимо прошёл, чуть качаясь, старший моторист. Он осторожно нёс ведро, в котором плескалось что-то тёмное.

— М-масло. Отвали, пацаны, — произнёс он, чуть запинаясь, в ответ на наши вопросительные взгляды, и повернул в сторону кладовой.

Мы переглянулись с Вовчиком: «Пора!»

Трюм был загружен почти доверху. Но крышки пока оставались поднятыми, не был задраен лаз для спуска вниз. Мы ещё постояли, конспиративно стреляя глазами по сторонам, и нырнули в люк.

Слабый свет от фонарей просачивался внутрь. Между ящиками и твиндечным перекрытием было пространство, позволявшее проползти на животе. Мы продвинулись в напряжённую полутьму, распластались на ящиках и, сдерживая волнение, вслушивались в отдалённый гул дизеля. Тишина стояла такая, что слышны были удары не только своего сердца, но, кажется, и товарища, подбившего на авантюру.

Надежда на случайный успех превосходит почти стопроцентную вероятность провала. Амплитуда опасности порождает психологическое возбуждение, которое превращает будничную жизнь в необычайную.

Картон ящиков был плотный, гладкий, и поддеть его было нечем. Вовчик щелчком отстегнул пряжку ремня и кромкой бляхи с нажимом резанул по упаков-

ке. Затем просунул пальцы в образовавшуюся щель и рванул на себя. Неровный кусок картона торчал, как плавник. В бледных отсветах фонарей блеснули запечатанными горлышками бутылки с ромом.

— Доставай! — прошептал Вовчик. Я обхватил пальцами горлышко и вытащил бутылку из упаковки.

— А пить как?

— Лучше здесь, наверху могут застучать. Тогда кранты! И прощай морехodka.

— Тогда только так! — И я скользящим ударом о твиндек отбил горлышко. Кое-как перевернулся на спину и раскрыл рот. Ром тёк по руке, струи со щёк затекали в уши. Фактически удалось сделать только несколько глотков. Пряный аромат шибанул в ноздри, и приятный жар тут же разлился по телу.

— Ты же мне оставь! — воскликнул Володя.

— Доставай ещё одну и пей.

Это была форменная порча продукта. Хорошего, кстати! Жгучесть рома дополнял привкус риска, остроты приключения.

Мы уже развернулись и по-пластунски поползли к люку. Как вдруг с другого борта послышался странный шорох, чьи-то приглушённые голоса. Мелькнул свет фонарика. Жуткая мысль: «Попались!» — сковала движения нервной судорогой, одновременно хотелось бежать и провалиться сквозь толщу бутылочных штабелей. Оставалось только стиснуть зубы, вжаться в ящики и безнадёжно ждать развязки. Но вот раздался осторожный хруст разрываемого картона и знакомое звяканье стекла.

— Наши! — выдох облегчения вернул к жизни. — Наверно, судоводы. Залезли через носовой люк. Алкаши! Пошли отсюда, — мы выбрались на твиндек и,

как разведчики, вслушиваясь в каждый звук, полезли из трюма.

Оказывается, затея удалась не только нам, но и другим практикантам. И они, довольные собой и удачным исходом вылазки, утолённо покуривали на корме.

2

Постепенно там собралось около полутора сотни братвы, уже побывавшей в трюмах. Утром предстоял отход. Вахты и занятия. А пока — свобода и, наверное, жажда зрелищ. Во всяком случае, музыка внизу у борта, прижатого к причальным кранцам, привлекла живое внимание всех.

На грузовой плац приехала на двух машинах компания каких-то смуглых курчавых людей. Потом выскочили три молодых довольно-таки фривольно одетых девицы и начали танцевать около трапа. Они бойко притопывали под ритмичные хлопки мужчин, покачиваясь из стороны в сторону. Одна из них высоко подняла кулак, наложила вторую руку на сгиб локтя и, показывая всем известный жест, вызывающе покачивая бедрами, пропевала заученный речитатив: «Эй, руськи-руськи, твой, как палка, деньга жалко».

Это получалось у неё так задорно, что некоторые курсанты начали отпускать шуточки и приплясывать в том же ритме. Некоторые уже с хохотком гулко вбивали каблуки в палубу. От того, что более двухсот практикантов одновременно сгрудились на одном борту, судно довольно заметно накренилось. Но тут раздался возмущённый голос помполита:

— А ну-ка, быстренько всем перейти на другой борт. Немедленно! Это провокация. Безобразие какое! Немедленно!

Привычка подчиняться сработала как отрезвляющий рефлекс. Толпа хоть и без особой охоты, но оторвалась от представления. Девушка на прощанье подразнила: «Бомболит-бомболит. Много думай — будешь лысый», — и все, посмеиваясь, отправились на противоположную сторону. «Профессор», как матрёшка, лениво перевалился и дал крен на другой борт.

Из машинного отделения выскочил механик и заорал так, что стушевался даже полпред государственной власти на судне. Тут уже всем пришлось разойтись по кубрикам.

3

А потом было утро. Розовые лучи ещё не раскалившегося солнца вливались через иллюминатор в столовую, где перед курсантами на столах лежали солёная тюлька и варёная в мундирах картошка, как и предписано завтракать на флоте в понедельник. Курсачи уже намяли её, полили маслом и приналегали было на еду, как вдруг судно вздрогнуло от сильного удара в борт, сопровождаемого глухим хлопком, чем-то напоминающим сотрясение от взрыва. Кто-то прицокнул языком: «Вот тебе и динамит!»

Затем наступила тишина и всеобщее испуганно-изумлённое молчание. Резко снизились привычные для хода вибрации дизеля. А через минуту «Профес-

сор» сотрясла крупная дрожь экстренного торможения после резкого переключения винта на обратный ход.

Руководитель практики вскочил, плакатно воздел руку и скомандовал: «Оставаться на местах! Сидеть, сказал!». Все застыли в своих креслах.

Ждали!.. Никто, слава Богу, не тонул, пожаром не пахло. Судно оставалось на плаву, и шок понемногу сменился любопытством. В иллюминаторе закрывала обзор чёрная корма какого-то здоровенного парохода, оказавшаяся предельно близко, почти вплотную к УПС. На ней ясно проступали серые зачумлённые буквы «Like Elizabeth 3». Видимо, судовладелец был любвеобильным.

Нас развели по учебным аудиториям. Но уже на перемене карасём проплыла чутка, что было столкновение. «Профессор Кудрагин» отошёл от причала, но палубная команда забыла сложить трап и привести в походное положение. Он всё ещё отстоял от борта на свою уставную ширину в один ярд. На мостике не взяли руль немного правее, и УПС шёл настолько близко к «Любимой Елизавете № 3», что зацепил трапом её корму. Вот они, прихоти судоходства: от серьёзной аварии при столкновении отделял какой-то метр. Можно сказать, беда была на расстоянии вытянутой руки, особенно когда выяснилось, что мы влυνдились в танкер, бывший под выгрузкой топлива.

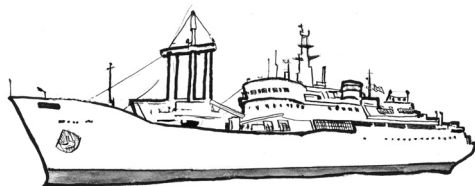
Потом мы стояли на якоре ещё сутки, наблюдая, как водолазы извлекают трап с илистого дна. Дефор-

мированный, он виновато лежал на палубе и просыхал. Я как человек, получивший до мореходки слесарные навыки на судоремонтном заводе, был привлечён к восстановлению покорёженной конструкции.

Помню, в награду дали пачку жёлтого чая в комплекте с никелированной ложечкой с гравировкой «Lipton» на черенке. Чай был настоящий английский, с непревзойдённым вкусом морской удачи.

Прошли дни, за ними годы... С переоценкой моей морской биографии риск выглядел неоправданным, смелость — показной, а желание отличиться — легкомысленным. Но без этого не состоялась бы молодость.

Теперь, когда на улице холодная морось, и с северо-востока задувает противный зусман, приятно сидеть в тёплой кухне, плеснуть в чай немного коньяка для согрева и размешать в стакане воспоминания. Да-да, той самой ложечкой.

«МОРСКИЕ» СВИНКИ, или ТЕОРИЯ ДАРВИНА В ОХОТСКОМ МОРЕ

Назначение на Дальний Восток ошарашило расстоянием и необходимостью прощаться с домом. Самолёт нехотя, как мне казалось, отрывал колеса от родной земли. Потом набрался духа, поднялся и... через 19 часов сел во Владивостоке.

Потом скрипучий автобус изворачивался между сопками и, наконец, вырулил на ничем не примечательные улицы городка с низкорослыми двухэтажными домами.

Бухта Находка была открыта летом 1859 года. По легенде, увидев ранее неизвестный залив, один из моряков корвета «Америка» совсем по-одесски воскликнул: «Вот это находка!». В интонационном переводе: ну ничего себе приплыли!

У причала ждал дизель-электроход «Капитан Бондаренко». Из-за его задранный носа и корпуса, усиленного для хождения в ледовой обстановке, судно крепыш называли «броненосцем». Дальневосточный мореход Бондаренко, чья украинская фамилия на «ко» украшала борта, и с не менее одесским именем Георгий, располагал, напоминая о далёком доме.

Куда конь с копытом...

С утра на борт поднялись плотники, деловито застучали молотки. И постепенно на палубе с левого борта образовались высокие выгородки, похожие на деревенские заборы. А справа был сколочен лабиринт, наподобие плотно состыкованных ящиков без крышек. Железная палуба, образуя их дно, была выстлана соломой. На недоумение по поводу колхозных преобразований судна помполит, цокая языком, произносил: «Спецрейс!»

Когда я вечером вышел из машины, по одну сторону «Капитана», перебирая копытами, топтались и ржали кони. А по другую — в каждом из отсеков копошились, толкались и хрюкали молодые холеные поросята, розовые, как девичий румянец.

— Это, мой юный друг, и есть наш специальный груз. Видите, у каждой особи свой кодовый номер? — говорил помполит медовым голосом. Действительно ухо каждой свинки было татуировано какой-то цифройю. — Это племенные экземпляры. Мы должны доставить их в Магадан и передать в девственной целостности научному центру. Полярные животноводы будут выводить особую породу морозостойких свиней.

Та же семенная перспектива было уготована и для лошадей, в которых нуждались олениводы Севера.

По курсу лежал Магадан

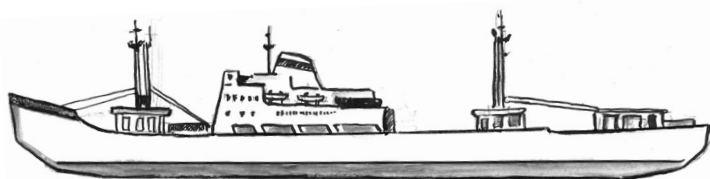
Знаете ли вы Охотское море? Особенно в октябре и ночью, когда усиливается ветер, поднимается серая волна и холод грозит пароходу обледенением...

В машинном отделении заметно прокачивало, но дизеля работали, стрелки манометров подрагивали на регламентированных отметках. И вдруг по поручням вниз съехал стармех. А в динамике уже гремело: «Говорит капитан. Всем членам экипажа немедленно выйти на палубу. Спасать груз! Я на мостике. Старший механик в машине!»

— На! — дедушка бросил мне бушлат. По авралу я выскочил наверх, как поплавок.

Волны лениво и мощно переваливались через палубу. В свете прожекторов они казались зловещими. В воде, не обращая внимания на холод, бегали, падали, барахтаясь, вскакивали и хватали свиней за уши все члены команды.

— На! — помполит сунул мне в руку стакан. Спирт обжёг, перехватил дыхание и ударил в голову. Я прыгнул с трапа прямо в плеснувшую волну. Она окатила до пояса, потащила и заволокла в гущу толчеи.

На мальчик-девочку рассчитайсь!

Штормовыми ударами снесло деревянные перегородки, и свиньи смешались в одно общее стадо. Дощатые переборки нужны были для того, чтобы отделить хряков от чушек. Потом их должны были скрещивать селекционеры, чтобы получить то искомое зимостойкое потомство, ради которого снарядили в рейс «броненосец». Но море отменило заявку на качественный лабораторный эксперимент. На палубе царило форменное надругательство над ценным грузом. Не реагируя на волны, накрывавшие их с головой, свиньи без всяких брачных прелюдий громоздились друг на друга. Видимо, в выводок племенных поросят было вложено немало труда, что привило им огромную детородную силу. Ни пятибалльный шторм, ни отчаянные старания моряков не способны были укротить в животных естественный природный зов, неумолимо побуждающий к размножению. Казалось, вместе со стихией торжествовала теория эволюции Дарвина, диким разгулом инстинкта утверждая более чем вековую годовщину его книги, посвящённой естественному отбору.

— Разнимай их, к чёртовой матери! — исходил яростью боцман, наотмашь лупя по спинам животных древком от лопаты. Рядом новый штурман тыкал кулаком в рыло очередному поросёнку, пытаясь скинуть его с целомудренной чушки и при этом устоять на ногах. — Хряков снимай и бросай. Тащи тварей в кормовой отсек, он — целый!

— Да как их тут разберёшь? — заорал я в желтовато-серую мглу, сплёвывая солому вместе с попавшей в рот забортной водой.

— Тебя что, на хрен, в школе не учили? Тот, кто сверху — мальчик. Девочка — внизу. Под свинячей тушей. Ухавал? Оттаскивай их, сволочей, за уши, — истерично проорал боцман.

Помполит, как полководец, наблюдавший сверху картину боя, стоял на вспомогательной палубе и кричал со слезой: «Мужики! Спасаем груз! Останемся без премии, как дураки. Спа-са-ем! Не позволим!»

Под влиянием стресса ни с того, ни с сего вспомнились гоголевские «Вечера близ Диканьки»: «Окно брякнуло с шумом... и страшная свиная рожа выставилась, поводя очами, как будто спрашивая: "А что вы тут делаете, добрые люди? А?"»

Эта голова смотрела на меня. В свете судовых фонарей блеснули нахальные свиные глазёнки. И хотя у животных нет мимических мышц, розовый свин открыл пасть, словно смеялся над общей бедой.

— Ухавал! — крикнул я боцману, и поросенок, визгливо перебирая в воздухе ножками, полетел в чьи-то подставленные ладони. И отправлен туда, где обиженно хрюкали и от холода жались друг к дружке отсортированные экземпляры. Словом, кое-как разобрались, рассортировали животинку по гендерной принадлежности и даже часть экземпляров сохранили для науки. Понемногу и шторм стал утихать. Благо он бил только с «поросячей» стороны, и лошади не пострадали.

Потом все разошлись сушиться. Я спустился в машину достаивать вахту. Стармех сочувственно улыбнулся и, как настоящий старший товарищ, сказал: «Иди грейся». Я с удовольствием сел на корточках возле котла и вскоре задремал. Мне снился лазерный

утренний Ланжерон, летающие над пляжем свиньи и долгая дорога.

На рейд Магадана мы вышли без приключений. В Нагаевской бухте стояла тишина, снимавшая напряжение. А по кают-компанин уже распространилось радостное известие, что премиальные мы всё-таки отработали, сохранив груз в целости. Или — в целомудрии. Из камбуза вкусно пахло пассированным луком.

— Чего готовить, народ? — вышел повар в белом колпаке. — Мясное что-то? Свиные отбивные, может?

Воцарилось краткое молчание, а потом несколько человек сразу, будто сговорившись, воскликнули:

— Нет уж, братец, вари уху!

ВСЁ СЪЕШЬ, НО НЕ СДАВАЙСЯ

Оставив за кормой беспокойные океанские воды, рефрижераторное судно прижалось к родным берегам. Горы чугунных чушек, пирамидальные штабеля бочек со смальцем, краны, плавающие в туманном смоге, — всё дышало предвкушением Нового 1979 года. На палубу тихо сыпал снежок, и серый ветер с морозцем выдувал последние воспоминания о тропиках, где под оранжевым кубинским солнцем «Сергей Лазо» принял на борт праздничный фруктовый груз. Напрасно его называли «банановоз». Теплоход был под завязку набит ящиками с апельсинами, к слову, весьма редкими в те времена продуктового дефицита.

— Лови конец, — кричали с борта.

— Ты бы цитрусик бросил, — отвечали снизу причальные матросы по швартовке.

— Могу на бутылку поменять, — не терялись моряки.

— Ага, сейчас гонца пошлю. Вы бы пароход на пару метров протянули вперед.

— Это тебе что, тачка?

Наконец, судно стало. Оглухшее от дизеля машинное отделение показалось загородным домом, покинутым домашними с холодами. Виталик смазал движки, глянул на термометры...

— Интересно, Ирина ждёт?

Они познакомились на пляже. Разгоревшийся в тот же вечер курортный роман не дал возможности рас-

смотреть любимую во всей красе и разнообразии её гардероба. Утром позвонили из кадров, как всегда, потребовали срочной явки. А к вечеру следующего дня «С. Лазо» уже разводил предотходные пары. Прощались наспех на проходной. Обещали слать радиogramмы.

— «Лазо», — смеясь, записывала она. — В честь того, кого в топке сожгли? У вас в пароходстве все суда носят имена одних покойников. Символический выбор кумиров. Да ты не обижайся — шучу.

— Никогда её не видел в зимнем, — думал Виталик, вглядываясь в группку женщин, махавших руками с верхней платформы морвокзала. — Впрочем, кто её в порт пустит? А я... Заявлюсь-ка к ней с заморским сюрпризом.

Нырнуть в трюм и прихватить десяток апельсинов было делом нехитрым. А вот как вынести!

— Василь Николаевич, дедушка, — заканючил Виталик у стармеха. — Я вахту сдал. Мне бы к невесте сбегать. А? Соскучилась ведь...

— Ступай с глаз и не утомляй, — буркнул дед. — До утра! Завтра вперёд на мотоцистку.

— С приходом, чиф*, — Виталик бодро шагнул через комингс, по неписанному морскому уставу не наступая на дверной порог, чтобы не нарваться на реплику. Не скрывая тихой человеческой зависти, старпом выписал пропуск на вынос багажа.

* Чиф (от англ. Chief) — старший помощник капитана.

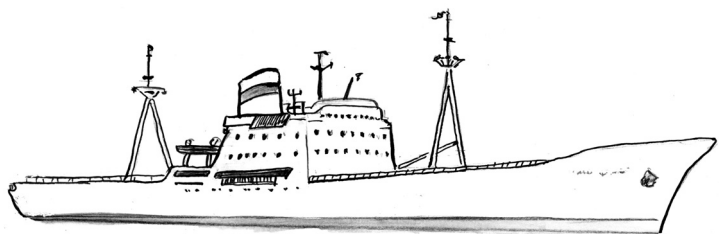
Пронырливые охранники на проходной ведали о судах и грузах не меньше, чем диспетчеры. И, конечно, моряки с «банановоза», только что пришедшего из цитрусовых краёв, находились в поле их особого негласного внимания. Апельсины были тогда такой редкостью, что можно было сговориться с таксистом о натуроплате за услугу тремя заморскими плодами. Полагая, что и вахтёры не против разнообразить праздничное меню, Виталик решил, что, помимо официально выписанного пропуска, не лишним будет соблюсти маскировку. В чемодан он уложил слой рубашек, сверху рядом распределил пять апельсинов. А потом плотно прикрыл их майками, джинсами, полотенцем.

— Делай, как я, Серёга: придёт ревизор — свои не доложишь!

— Кто такое сказал? — поинтересовался электромеханик, товарищ по экипажу.

— Одна знакомая продавщица.

Перемигнувшись, друзья не спеша, спустились по трапу. Показалось, он предательски заскрипел от

преступной тяжести поклажи. Мода угонять добро вагонами появилась уже сейчас. Наверное, когда всю мелочь растащили. Тогда же быть уличённым в подобной дисциплинарной провинности значило надолго потерять возможность выхода в заграничье.

Серёга потянулся за сигаретами.

— Я тебе понервничаю, — прошипел Виталик. — Иди спокойно, как на прогулке. Будто совесть у тебя чистая.

— Сам не трясись, — кинул он под ноги. И смачно сплюнул для храбрости.

Проходная приближалась, как последний рубеж.

— Что несём, хлопцы? — охранник, подбоченясь, скалой встал на пути. Его напарник жёстко нажал на педаль и блокировал турникет. Ребро вертушки, как киль, упёрлось в живот Серёги.

— Чего в чемодане? Покажь.

— У нас разрешение на вынос.

— А ты покажь, потом неси.

Пришлось открыть чемоданы. Ну что, казалось бы, такого: тряпки себе и тряпки! Однако из-под уложенных носильных вещей доносился тонкий аромат спелых апельсинов. Охранник провёл над вещами ладонью, как миноискателем, понимающе хмыкнул и ловко запустил пальцы под аккуратно сложенный свитер.

— Есть! — торжествующе воскликнул он. — Это что за бильярдный шар?

— А это не шар, Иваныч, — покачал головой второй охранник. И по-чапаевски расправил усы.

— А что же такое? — продолжал издеваться вохровец.

— А может, контрабанда? — с нарочитым недоумением подыграл усатый.

— Так это мы жуликов поймали? — и он, оттопырив губу, изобразил догадку особой важности. — А ну-ка, в караулку. Быстро! А ты, Петро, вызывай наряд. Сейчас, морячки, акт изъятия составим, посидите пока минут десять.

Комната была небольшой, на стене, выкрашенной краской казённого цвета, застыл тусклый блик от лучей, попадавших с улицы через зарешёченное окно, встроенное под потолком. Посередине стоял стол и по разные стороны от него две лавки, прочно вмонтированные в пол. Больше — ничего.

— Попали... в комнату отдыха, — закусил губу Сергей. — Ну, что молчишь?

— А ты детективы читал? — наседая, проговорил Виталик. — Надо чего: избавиться от улики. А сейчас апельсины это что? — продолжал он рассуждать как бы сам с собой, — это вещественные доказательства. И мы их уничтожим.

— Как?

— Съедем!

— Ты что, с ума сошел?

— Жри! — приказал Виталик. — Времени в обрез. Или виза не дорога?

Серёга ругнулся, но с доводом согласился. И начал поспешно очищать апельсин.

— С ко-жу-рой! — прочмокал Виталик, размазывая сок по подбородку.

Через четверть часа за дверью грохнули шаги: «Где задержанные?». Щёлкнул засов, и на пороге появи-

лись двое в форме. Конвойный полкан жалко пискнул и, махнув хвостом, ретировался, — воздух тесной холодной комнатухи благоухал густыми испарениями эфирных масел. На столе зевали раскрытыми ртами полупорожние чемоданы.

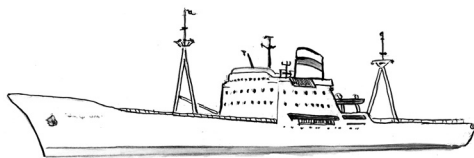
— За что сидим? — икнул Сергей, удивлённо пожимая плечами.

— Да-а, черноморцы не сдаются, — с досадой почесал затылок вохровец.

А потом Ирина мне возбуждённо рассказывала: «Это он-то меня в зимнем пальто не узнал! Ха-ха! Это я его не узнала: лицо краснущее, губы распухшие, языком еле ворочает, а от самого разит, как из парикмахерской. Я чуть не передумала за него замуж выходить».

— Но ведь поверила.

— Да, глянула на его Серёгу, а он такой же! Да и... женщина прощает мужчину за поступок, совершённый ради неё.

ВЫХОД ИЗ БЕЗВЫХОДНОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Спорь да не вздорь

В Черноморском пароходстве было понятие резерв. В «запасные игроки» попадали обычно портачи, недооценившие непреклонность трудовой дисциплины. В штрафниках пребывал и судовой токарь Даник Рыбаков, который некстатидохнул винными парами на инспектора кадров. За что и был сослан с борта искупать свою неосторожность на судоремонтный завод № 2.

По этому поводу он мне резонно заметил: «Наказывают не за то, что нарушил, а потому, что попался». И поинтересовался: «А ты за что?».

Я не попира́л устав, но гэбисты тянули с подтверждением на визу после перевода с Дальнего Востока. Даник, стиснув зубы, помогал трубопроводчикам в медницком цеху, а я был прикомандирован к дяде Жоре в слесарку.

Это была отдельная мастерская, где Георгий Петрович Белошук ремонтировал ручные гидравлические прессы, чинил машинки для обдирки ржавчины, испытывал наждачные диски. Красномедники почитали его как великого выдумщика и, когда собирались у него на дегустацию самогона, ждали весёлой подначки. Для начала дядя Жора брал амбарный замок и навешивал на входную дверь. Внушительный вид замка даже не позволял подумать, что он висит только на одной дужке, и дверь на самом деле открыта.

А внутри румянилась на сковороде жареная картошка с чесноком. Данику доверили резать лук-«цибулю» и разделявать селёдку.

— Чего кислый, Рыбачок? Не рыдай и чисть лучок, — поддразнивал его бензорезчик Миша. — В Одессе любят не только поговорить, но и покушать. Нет, не обязательно много, но — вкусно! Старайся!

Между тем дядя Жора, восседая у окна на массивном стуле-кресле, уже закидывал головоломку:

— Ты — выпей. Но так, чтоб не сидеть, не стоять, не лежать, не вприсядку, — подзадоривал он.

— А как же? — стрельнув глазами, спрашивал Миша. — Значит, стоя на одной ноге?

— Та не! — отмахивался дядя Жора.

— А-а! — хлопал себя по колену другой, — это можно, если залезть на стол.

— Я те залезу! Не петришь, так молчи, — и Петрович делал вид, будто сердится.

— Во, знаю! — вмешался и Даник, вытирая со щеки луковую слезу, — в положении, когда висишь.

— Нет, Рыбачок, не подходит. Бухтеть тебе ещё в резерве! — игриво поддел его дядя Жора.

— Тогда-а... — изрекал ещё один участник импровизированного КВНа, — можно выпить, сев на чью-то спину.

— Думай, голова, — шляпу куплю. Ты кого же седлать будешь?

— А если вниз головой... — в отчаянии прозвучала совсем абсурдная версия. И наступило молчание. Густое, напряжённое. Только было слышно, как шипела на смальце картошка, которую пора было снимать с электроплитки. Трубопроводчики медленно шевелили губами, придумывая варианты и тут же от-

вергая их как провальные, смотрели друг на друга застекленевшими от умственного накала глазами, пожимая плечами и разводя руками с досады. Наконец, бригада взорвалась многоголосым:

— Петрович, а сам-то можешь? Или дуришь? За лабухов нас держишь!

Дядя Жора ждал этого кульминационного момента. Он чинно вытер руки ветошью, взял гранёный стограммовый стаканчик, посмотрел на свет, качнул головой, мол, не та чистота напитка, да что уж поделаешь: «Так и быть, я вас завёл, я и развяжу!». Он обвёл взглядом притихшую аудиторию, одновременно готовую подивиться небывалому решению и дружно выразить «фе» в случае подвоха. Но дядя Жора умел выдерживать паузу не хуже опытного актёра.

Он стал в дверной проём, с силой прижался спиной к филёнке и, стараясь не расплескать содержимое стаканчика, упёрся ногой в противоположный косяк. Затем поднял вторую ногу. И выпил с чувством, наслаждаясь сивушной горилкой, как массандровским букетом.

Присутствующие взорвались криками восторга: «Ну, приколот Петрович!». И дегустация продолжалась на радостном подъёме, с шутками и хохотком. В общем гвалте дядя Жора хлопнул по плечу Даника: «Учись, Рыбачок-морячок». Тот вспылil, приняв пьяную фамильярность за насмешку, сердито отошёл в угол и, резко чиркнув спичкой, закурил.

Между тем разговор пошёл о том, что в цеху толково сварили бачок для браги в самогонном аппарате. Точила сделал для него горловину с резьбой. Но вынести приспособу с завода было проблематично.

Дядя Жора, прихвастнувший: «А я бы вынес», — вызвал злую реакцию Рыбачка.

— А-ну, спорим! На спор, что не вынесешь, — выкрикнул он запальчиво.

Весь судоремонтный знал, что Георгий Петрович прошёл войну разведчиком, в его роте были штрафники. С ними в его опыт вошли немудрящие лагерные правила с их суровой неукоснительностью: «Долг — верни, слово — держи, обещание — выполняй!». Пьяную задиристость Рыбачка он воспринял как вызов!

— Ну что ж! Двор возле гастронома знаешь? Вот там я тебе и отдам бачок. А ты за него ставишь на всех магарыч. Идёт?

— А давай! — ухмыльнулся Рыбачок.

Утка — в помощь

ВОХРы на проходной дурно славились придирчивостью и хищным желанием учинить поимку «несуну». За бдительность охранникам причиталась премия, так что договориться с ними было невозможно. Перед Петровичем стояла трудноразрешимая задача со множеством неизвестностей. Бачок под полкой не пронести, пузатые сумки проверялись. Идея перебросить его через забор тоже была неподходящей: от стены поднимался крутой склон с непролазными зарослями «чумака»*.

В обед дядя Жора двинулся к продуктовому магазину. Там царило оживление. В преддверии празд-

* Чумак — дерево-дичок, очень живучее.

ников от пароходства заводу был выделен продпаёк, и теперь там отвешивали уток. Профсоюзный божок, стоя у прилавка, голосом народного трибуна чеканил: «Товарищи, в одни руки только по две!». Как всегда, кто-то хотел безлимитной продажи, кто-то беспокоился, что ему не достанется, кто-то фыркал, что это не утки, а заморыши.

Георгий Петрович сидел в сторонке на красном пожарном ящике и с мефистофелевским спокойствием смотрел на человечью возню. И вдруг он кивнул, как бы самого себя одобряя за внезапную догадку. Его глаза зажглись хитрым огоньком, лицо посветлело от лукавой улыбки.

— Васильевна, никак уточек придбала, так можно приходить на жаркое? — подступил он к кладовщице, которая, переваливаясь, как шлюпка, тащила улов из двух крупных общипанных птиц.

— А шо, нафарширую рисом шейку. Ножки — на бульон. Такой супчик сварганю. Заходи в гости! — в тон ему весело отвечала женщина, довольная покупкой.

— А лапки тебе надо? — спросил дядя Жора, словно утверждая, что именно эта часть утки Васильевне ни к чему.

— А забирай, и носи на здоровье!

Я вышел к морю и случайно оказался рядом. Дядя Жора окликнул меня, наказал подняться на склад к Васильевне и отрубить утиные лапки. При этом вынул из кармана кулак и прошептал, как заговорщик: «Спрячь и принеси в мастерскую. И — чтобы ни одна душа не знала!»

В 17 часов через проходную на выход тянулась такая же очередь, как днём к продуктовому ларьку. Люди несли уток кто в сетке, кто в кулке или сумке.

Дядя Жора так же чинно вышагивал, неся сверток, из которого торчали, как китайские веера, жёлтые утиные лапки. И рассуждал с технологом, что самое лучшее блюдо — это утка, запечённая с яблоками.

Не дрогнув ни единой мышцей лица, он толкнул турникет и, продолжая балагурить, миновал проходную. Охранник из-за выгородки осовело смотрел на толпу, подобрешую от пайков.

Вечером дядя Жора с видом триумфатора милостиво поучал: «Споры для того и есть, чтобы их выигрывать». Потом нарочито медленно пересчитывал вырученные штрафные деньги Рыбачка, невзначай сбивался со счёта, удручённо ворчал и начинал считать снова на потеху свидетелей из бригады.

Походка пеликана

Даник проглотил свою обиду, но не успокоился. К концу недели медники принесли в слесарку две длинных латунных трубки для змеевика. Превратить прямую трубу в спираль они могли и дома в гараже, но опять же вопрос: как вынести! Не пилить же по частям.

— Ох-хо-хо! Проблема! — посочувствовал дядя Жора, поправляя кепку. — Это вам не жук на скатерть начихал.

Рыбачок ухмыльнулся и съязвил: «Трубки из цветного металла? Это криминал! Тут утиный трюк не пройдёт!»

— Ты опять тут мне голову морочишь? — барственно прогремел дядя Жора. — Ну, тогда снова го-

товь гроши. Только заплатишь теперь вдвойне, чтоб не был сильно умный.

И снова дума легла Петровичу на загорелое чело. Может, так же, как когда-то в разведке, когда опасность рядом, и нужно обязательно найти выход из безвыходного положения. Риск растёт, каждая минута приближает либо к развязке, либо к концу истории, которую называют жизнь. И любят её немилую, трудную, надрывную, набрыдшую. И вдруг открываются в них невиданные силы, о каких не подозревали, а с ними рождается решение мгновенное, необдуманное, но на поверку единственно верное. И втайне воздаётся благодарность Богу за то, что это ещё не конец, что ещё можно терпеть, страдать, мучиться, продолжая неосознанно любить этот воздух, хмельное море, бестолково палящий май. Георгий Петрович испытал эти чувства, когда на острие смерти его выручала воля в характере и природная смекалка.

Конечно, спор с Рыбачком и на вершок не стоил тех переживаний. Но ум уже был привычно мобилизован и работал на всех оборотах в поисках выхода. Дядя Жора был неразговорчив, ходил взад-вперёд по мастерской, насвистывал: «Он подошёл к нему походкой пеликана...», опять ходил... Знал: этот вопрос не отпадёт сам собой, как гнилая груша от сапога.

В пятницу заводской люд как всегда спешил на работу. Судоремонтники выходили из утреннего трамвая, ёжились от рассветной прохлады. Здоровались, грелись шутками. И одним огромным человеческим потоком спускались по парковой аллее к заводу. Они отдавали ему время и умение, силы и эмоции, а он

в ответ кормил их, становился вторым домом. Здесь знакомились, влюблялись, приглашали в кумовья. И, казалось, всё знали друг о друге.

Дядя Жора тоже шёл, но — хромая и грузно наваливаясь на палку.

Он был в кирзовых сапогах, голенища которых напуском покрывали широкие брюки из плотного х/б. Он медленно спускался по ступеням к проходной, громко кряхтел и пропускал всех вперед, мол, что вам молодым да резвым до чужой беды.

Его подначивали: «Шо, дядя Жора, куда-то вступили?»

— Да уж не в твою партию, — бурчал он, оставляя в пыли круглые отпечатки оконечностью палки. А народ не успокаивался:

— Ну и вступил человек. Может, он мимо пройти не мог?

Но кто-то уже похохатывал со спины:

— Мимо бабы что ли? А потом спрашивают, откуда дети берутся.

— Главное, не откуда, а от кого, — спешил напомнить о себе ещё один остряк.

У проходной муравьиный поток сужался. И заводчане по одному проскальзывали через турникет на территорию.

— Что, дядя Жора, станцевал неудачно? — поприветствовал его охранник.

Тот остановился, опёрся на палку, как на пиратский костыль, и произнёс:

— Подвернул ногу. За кошкой с внуком гонялся. Малый Кисане усы прижёт. Та и побежала.

— То-то ты в сапогах, как кот.

— Так ведь в туфли нога не лезет.

Из мастерской он позвонил начальнику цеха, отпросился, а мне велел в слесарку никого не пускать. Я навесил замок на одну петлю, как он учил, а когда вернулся, дядя Жора, оставив палочку, бодро вышагивал по мастерской. Он, как в прошлый раз, вытащил из кармана кулак и так же произнёс: «Молчок! Принеси-ка лучше веревку из подсобки».

Я вернулся через минуту. Дядя Жора стоял возле верстака со спущенными штанами: «Подсоби!».

Я помог ему обернуть концы трубок тряпицей и вставить в голенище. Потом он натянул штаны и крепко притянул трубки ремнем к поясу. Они доходили ему в аккурат до подмышек, и для страховки я плотно обвязал их канатиком на уровне его груди. Затем он накинул куртку, взял палку, и мы неторопливо двинулись к проходной. Меня разбирал смех, и я опустил голову, по мере сил изображая сочувствие.

Только когда мы поднялись в парк и я помог ему достать трубки из сапога, он расхохотался. Мы сели под акацией на скамейку. И расслабились, как после хорошо выполненной работы.

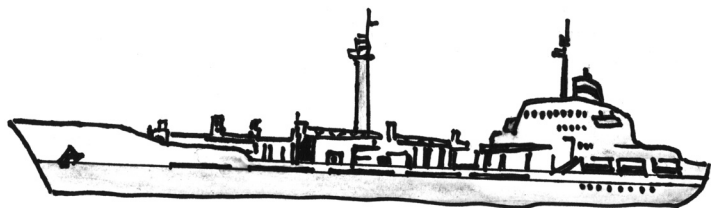
— Скажи медникам, чтобы вечером приходили. А потом можешь тихой сапой дёрнуть домой. Дело — сделано!

МОРЯКА НЕ ПОДЪЕГОРИШЬ

Обычно, когда речь заходит о пиратах, вспоминаются непутёвые разбойники из детских утренников. Они топают ботфортами, глуповато таращатся в зал, крутят усы и грозят пистолетами, похожими на дудки. Но, в конце концов, остаются в дураках и надрывно в голос просят пощады. Но то ли дело настоящие морские грабители!

Сегодня это дюжие африканцы с армейскими автоматами Калашникова, прекрасно экипированные, чья жестокость так же непомерна, как их ангажированность. В 1979 году, ожившем в воспоминаниях, они были не такие лютые и дерзкие. Но встреча с ними тоже была небезопасной...

Между тем, т/х «Березовка» медленно продвигался по реке Чао Прайя, держа на «мушке» порт Кхлонг Тоей, известный у нас под названием Бангкок, — по имени столицы Таиланда, чтобы не закашляться при произношении. История самого района Пак Нам Пхра Прадаенг, где стоит порт, восходит к девятому веку,

породившему эти странные имена. Рассказывая об этом, местный агент, курировавший судно, долго смеялся над нашими попытками произнести имя короля Пхуттайотфа Чулалока, построившего данный участок города.

Разомлев под тропическим солнцем, теплоход лениво скользил по мутным водам азиатской реки. Берег топорщился остролистыми пальмами «пандана». За кормой таяли буддийские храмы. В заводях, покрытых кувшинками, отражались их ярко-синие стены, оранжевые столбы у входа, подпиравшие жёлтые крыши с краями, похожими на задранные носы. Рядом упирались грязными сваями в воду небольшие хибарки, крытые тростником. Вдоль реки тянулась дорога, машины, как заводные игрушки, проносились, обгоняя нас.

Наконец судно стало к причалу. Смуглокожий лоцман, сверкнув улыбкой, спрятал бутылку «Столичной» в портфель и сошёл по трапу. Начались суточные вахты.

* * *

Как пишут для затравки в плохих детективах, в этот вечер ничто не предвещало беды. Остальное — чистая правда!

Над портом опускался вечер, солнце расплуснилось о берега и остужало свой дневной жар в волнах. Стрелы кранов, рельефно впечатанные в небо, растворялись в сумерках. Матрос у трапа, принаравливаясь к местным обычаям, потягивал через трубочку из кулёчка оранж со льдом. А я как 4-й механик, обойдя машинное отделение, поднялся на камбуз. Бросив

жребий на пальцах со вторым штурманом, вышло, что картошку чистить моему мотористу, а жарить её мне.

Смалец, аппетитно потрескивая, поплыл по раскалённой сковороде, зашипел картофан под густой щепотью соли, зарумянился. И тут кулинарную идиллию нарушил подозрительный всплеск за бортом. Потом ещё один, и — сдержанный шепоток, интонационно похожий на тихую брань.

— А ну, сходим... — переглянулись мы со штурманом через открытый иллюминатор. Он свистнул матросу. Я по телефону кинул мотористу короткое: «Поднимись. Быстро!». Стараясь не шуметь, мы двинулись вдоль борта на корму. Там явно кто-то был. Осторожно ступая между кнехтами, чужак не мог сбалансировать шаг из-за поднятой тяжести и споткнулся. Настоящая гул прокатился по палубе, затихая, как вибрации камертона.

— Берём! — указал штурман на пожарный щит. И снял штыковую лопату.

— Силантьев! — показал он глазами матросу на красный топор. Я приподнял с навесных крючьев багор с деревянным древком и сжал в руках. Ещё шаг, и на фоне белеющих лееров мелькнула фигурка туземца. Он поспешно разматывал бухту пенькового каната для швартовки и спускал конец за борт, где его так же торопливо принимали двое лодочников. Такими канатами были вооружены сухогрузы ЧМП в те судоходные годы, пока их на флоте не сменили кручёные тросовые свивки из полипропилена, которые не промокают и не тонут.

Ещё шаг! И во весь рост перед нами встал похититель, промышляющий стихийным грабежом. Его лоб закрывала жёлтая повязка, бёдра облепила мокрая

набедренная тряпица. Но на перекрещенных ремнях висели два довольно длинных палаша, которые он ловко выхватил, и, прижавшись спиной к леерам, с поразительной скоростью описал ими в воздухе несколько восьмерок.

В это же время на верхней палубе показался боцман, разбуженный жарой и запахом жареной картошки. Он грыз яблоко. Мгновенно поняв, в чём дело, он с криком: «Ах ты, урка черногузая!» — запустил в непрошенного визитёра огрызком. Мелькнул клинок, и яблоко распалось на две половинки. Это было как сигнал к атаке. Мы ринулись на захват ночного вора. Я выставил багор, направив таиландцу в грудь, чтобы прижать к леерам. Реакция его была молниеносной: древко взлетело вверх, обрубленное двумя скрещенными клинками. Затем туземец крутанулся на месте волчком, подпрыгнув, распрямился в воздухе, как складной нож, и штопором вошёл в воду.

Энергично заработали вёсла. Лодка удалялась в темноту.

Канат мы подняли, потом спрятали под замок в подсобном помещении. Не повадно пиратам поджиговать нашего моряка. А над палубой плыл горьковатый запах подгоревшей картошки.

Держи мелочь в кармане

На следующий день было увольнение. Осмотреться в заморском городе вышли со мной как представителем комсостава матрос Карим и повариха Галка, за которой он приударял.

Мимо катили автомобили тогда неведомых нам марок. В тени пальм строила глазки реклама, подавались с ледяным пивом огненно-перчёные креветки с лапшой, приготовленные в больших чугунных сковородах — вогах. Лапшу заливали соусом красным, как пожар. Рядом лоточники продавали маленьких зажаренных в специях осьминогов, насаженных на палочки, как мороженое эскимо. На прилавке горсткой возвышались какие-то зелёные мохнатые плоды размером чуть больше голубиногo яйца. Из надреза выскальзывало розовое влажное ядро: оно холодило нёбо и утоляло жажду.

В стеклянных дверях банков отражались невозмутимые лица менял. Один из этих толстяков без удивления посмотрел на контрабандно пронесённые в кармане несколько рублей, что-то почиркал карандашом в блокноте и написал сумму. Когда мы его решили проверить, она точно соответствовала банковской.

За спиной галдел базар. Шумный. Восточный. Где не продадут ничего без обязательного ритуала торга. Он состоял в нахождении ценового компромисса.

Продавец гордо называл цену: «Двадцать!». Ты изображал возмущение и желание уйти прочь, но в последнюю минуту рубил с плеча: «Пятнадцать!». Изумлённые такой наглостью глаза продавца вспыхивали, но туманились задумчивостью, и он сокрушённо говорил: «Восемнадцать!». Согласиться было бы пасть в его глаза. Поэтому ты настойчиво показывал: «Семнадцать!». И тот со вздохом уступал. Без торга он мог просто отказаться от продажи тебе товара.

В кармане образовалась горстка монет, позвякивавших при ходьбе. Оставалось перейти улицу по бетонному мосту вроде тех, что у нас нависают над же-

лезнодорожными путями. Карим рыцарственно шёл впереди, раздвигая толпу как ледокол. Я шёл с Галиной сзади. Она заметно устала от прогулки, пора было возвращаться.

Поддерживая утомлённую повариху, я не обратил внимания на группку оборванцев. Наверно, уличных попрошаек, сидевших в углу возле перил.

— Гала, может, на такси наскребём, — предложил я и достал горсть монет. Две из них упали и покатались к месту, где сидели нищие. И вдруг они зашевелились и со стонами поползли, надвигаясь на нас, обступая плотным кольцом. У моих колен гримасничали искажённые болью и алчностью лица. Некоторые из них были изъедены экземой, покрыты струпьями, сморщенные изжёванные губы что-то бормотали, очевидно, требуя от иностранцев более щедрой подачки. Со всех сторон к нам тянулись руки, пораженные гниlostными язвами. Да-а! Читать Джека Лондона о прокажённых было куда интересней, чем столкнуться с ними воочию.

— Карим! — заорал я в спину матросу. — Лови! — И с этими словами поднял анемичное тело поварихи и перебросил через головы бангкокских нищевродов. Теперь для разгона оставался маленький шаг. Я изо всех сил оттолкнулся от бетона, поджал ноги в прыжке и перелетел через эту копошащуюся живую преграду! Мы бежали, не оглядываясь.

...Сердце успокоилось только флотским борщом в судовой столовой.

Хочешь жену атамана?

Снова вахта. Второй с завистью смотрит, как по порту проносится приземистая широкая иномарка.

— «General Motors». Автоматическая коробка передач. Полжизни за такую, — мечтательно простонал штурман. Агент, стоявший рядом, понимающе кивнул. И спросил: «Знаешь, кто это? Это начальник оперативного отряда таможни. Бывший контрабандист». И он приветственно и несколько заискивающе помахал проезжавшему мимо автомобилю. Тот вдруг остановился, как вкопанный. Дверца открылась, и на причал ступил молодой мужчина лет 35. Для тайландца — довольно рослый, прекрасно сложенный. Его обнажённый торс, подчёркнутый снизу лазоревой набедренной тканью, спускавшейся до колен, был образцом мускульного каркаса. Чёрные волосы были забраны в косу, заплетённую пёстрой бордовой лентой. Он смело направился к трапу «Березовки», упруго ступая сандалиями по асфальту. На ремне его в такт шагам покачивался заложенный в черные ножны палаш.

Он улыбался приветливо, даже раскрыл руки в знак расположения к «красным» морякам. Но в нём чувствовалась властная сила, с которой он подчинял своим приказам разбойную шайку, нападавшую на суда. Не сговариваясь, мы сразу назвали его атаман! Неизвестно, какой перелом произошёл в этой загадочной душе. Но, оставив свой порочный промысел, он стал на защиту закона и сделался грозой для азиатской преступной братии.

Атаман шёл с миром. Как выяснилось потом в ходе беседы, ему понравился хлеб, выпекаемый нашей Галкой, и крепкий чёрный чай, который он пил, насыпав

в стакан пять-шесть ложек сахара. Оценив морское хлебосольство, после третьего стакана такого сиропа он, хмурясь, выслушал историю о недавнем ночном нападении на теплоход. Его пальцы мощно сжали рукоять палаша, твёрдый кивок был сродни милиционерскому: «Разберемся!».

Далее по праву хозяина он пригласил покататься на своём авто. Машина плавно рванула с места и понеслась по бесконечному причалу, набирая скорость, от которой захватывало дух. Ровная дорога врезалась в ночь, полную звезд. Мы были в седьмом измерении, или — в гостях у вечности.

Наутро агент заверил, что теперь можно спать спокойно. А через полчаса по трапу, цокая балясинами, торжественно, как на храмовой церемонии, стал подниматься атаман. За ним, покачивая бедрами, гуськом в затылок шествовали четыре молодых тайландских девушки. Они шли по грузовой палубе невозмутимо, как по подиуму, смотрели чувственно и томно. Но и с неистребимым женским любопытством.

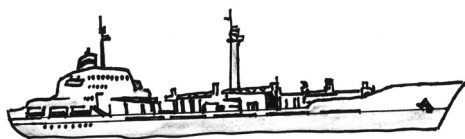
Как оказалось, атаман, прельщённый гостеприимством нашей вахты, договорился о том, чтобы на время стоянки находиться на борту «Березовки», о чём администрация порта уведомила капитана. Подручные атамана наскоро соорудили слева на корме шатёр. И началась его охранная служба.

Полуголые красавицы картинно возлежали на циновках, восседали на кнехтах, периодически какая-нибудь из них вставала по знаку атамана и причёсывала его или делала массаж. Удовлетворившись женским вниманием, таможенник похлебывал чай, похожий на сироп. Потом прогуливался по судну, заглядывал

в трюмы, подмигивал Галине, бледной, как её поварской колпак, намекая, что бояться теперь нечего.

Пока атаман инспектировал безопасность, молоденькие жёны на корме пританцовывали и что-то напевали на своём мяукающем наречии. Естественно, морячки поглядывали на молодлиц, нередко дольше, чем предполагал служебный этикет. Видя это, помполит повелительно ворчал: «Нечего смотреть. Это товарищи из сектора охраны. Глядите туда. Ту-да!» — и показывал рукой в другую сторону, где мутно разливалась акватория порта.

Развязка ситуации произошла неожиданно. Атаман, несмотря на свой важный статус и искусное владение оружием, оказался человеком не ревнивым. Он выстроил своих жен и великодушным жестом Стеньки Разина предложил помполиту выбирать любую. Полпред партийной элиты застыл в растерянности, густо покраснел и, похоже, потерял дар начальственной речи. Атаман стоял и широко улыбался. Бесстыдно лыбились и жеманились четыре полуголых красотки. А за спиной помполита заливался смехом весь свободный от вахт экипаж. Так и покинули порт с шуточками и остротами, какие раньше моряки обязательно привозили из рейса вместе с мохером и отрезами кримплена.

ЧЕСТНОЕ ФИЛОЛОГИЧЕСКОЕ...

От ветреного причала ночной Клайпеды отчалил рейдовый катер. И закачался на тяжелой зыби Балтийского моря. Через полчаса рыскания по тёмным волнам он пришвартовался к борту судна, которому волею бродяжьей судьбы на несколько месяцев предстояло превратиться для меня в плавучее жильё.

Судьба же была такова, что после ряда обличительных статей по поводу мошенничества в отношении моряков знакомый директор «крюингового» агентства подумал, что мне лучше бы оказаться подальше от разозлённых аферюг. И услал меня в моря.

* * *

Мы, то есть члены прибывшего сменного экипажа, вскарабкались по шторм-трапу на низкий борт небольшого сухогруза «Friendly company», то есть «Дружеская компания». Моряки под жёлтым светом прожекторов радостно искали своих сменщиков.

— Ты в машину? — Мне потряс руку бородатый мужик, в предвкушении завтрашней отправки домой бывший уже чуть навеселе. — Айда! Пароход хреновенький, но на плаву держится. Двигатель хоть и немецкий, но поганый, со сходящимися поршнями. Типа ЗД-100: три дурака строили, сто — с ним чирикаются. В общем разберёшься. Олег, четвёртый, остаётся, он всё знает.

Смены у «подфлажников» часто происходят на ходу, как передача эстафетной палочки. Через 20 минут мне уже следовало принимать вахту.

В лицо дохнуло жаром и тем особенным запахом, который издаёт прожаренное дизелем машинное отделение. Деловито постукивали вспомогачи, назойливо жужжали насосы, как-то совсем уж по-пчелиному. Лёгкое покачивание усиливало известный ещё с эллинских времен рефлекс прилечь и вздремнуть безмятежно. Поэтому вахту буквально — стоят, чтобы, шагая взад и вперёд, одолеть это желание.

Лёнчик, моторист, у которого я должен был принять вахту, без большой охоты водил меня по машине, тезисно объясняя, что где лежит и что я, кровь из носа, но должен выполнять. Я слушал его и наскоро оживлял в памяти морскую науку, подзабытую на берегу. Критичность ситуации способствовала этому. Вдруг бровь Лёнчика изогнулась в недоумении. И он бросил в пространство: «А это чё за хрень?»

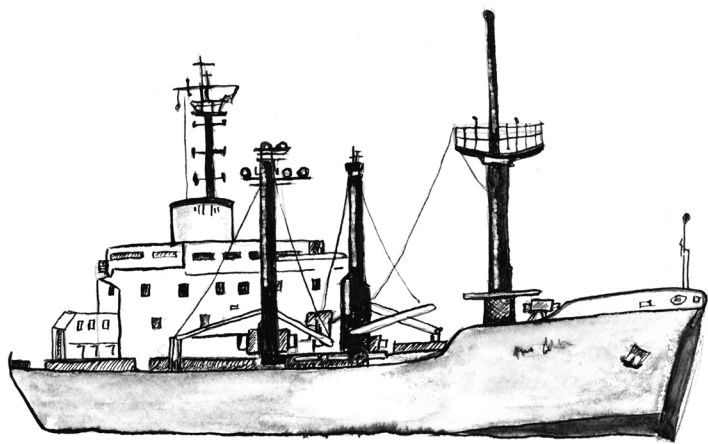
В машину спустился стармех, велел четвёртому механику как старожилу судна сопровождать его. Тот уже сменился и теперь, почёсываясь, плёлся сзади в трусах и шлёпанцах. Он с недоумением смотрел на деда, который держал в руке пол-литровую банку с церковной водой, а другой макал в неё связку рябых куриных перьев. Он их вёз через все границы и теперь с этими причандалами двинулся вокруг двигателя, через каждые три шага кропя крышки цилиндров. А с мостика уже командовали: заводи и — поехали!

Регулятор пуско-реверсивной системы был у старого «немца» похож на плоский спасательный круг

с поворотной рукоятью посередине. Дед начал постепенно добавлять подачу топлива в цилиндры. Но почему-то застрял в секторе критических оборотов. Судно дрогнуло! Плиты под ногами запружинили, как батут, всё нутро машины утробно запрыгало, словно началось землетрясение. Дед в растерянности ухватился за круг, чтобы не упасть, и бессмысленно водил глазами по сторонам. О том, что критическую зону нужно проходить как можно быстрее, он забыл что ли?

Не дожидаясь аварийной развязки, Олег, махнув рукой на субординацию, громко выругался, оттолкнул стармеха и поворотом рукояти ввёл эксплуатационный режим в норму.

Наутро матросы в столовой, как на допросе, стали выяснять, почему была ночная тряска. Так и выяснилось, что дедушка вышел в начальство из бывших

помполитов и к тому же имел диплом по эксплуатации портовых грузовых механизмов, но никак не судовой машины. Его авторитет совсем упал, когда он начал ревизию системы кондиционирования и загубил её полностью.

* * *

Мы шли, всё больше ощущая жаркое солнце Средиземноморья. Справа по борту проступили из марева берега Египта. Палуба раскалилась, капли пота, упав на её металлическую поверхность, высыхали на глазах. В судовых помещениях трудно было дышать. Сменяли мореходы вынимали ящики из письменных столов, наполовину выдвигали их из иллюминаторов, и они захватывали деревянными глотками встречный горячий воздух, нагнетая иллюзию прохлады.

Впереди замаячили минареты Александрии. В «предбаннике» Красного моря температура в машине поднималась до 62 градусов. Скафандр тяжёлой жары сдавливал тело. Я поднимался по трапу, как южноамериканский ленивец, замирая на полушаге, казалось, с одышкой останавливается сердце.

Холодильники не успевали охлаждать воду. Её пили жадными глотками теплую, противную, влага тут же выступала на коже, стекая по спине мутными ручейками. Судовая команда была в ярости. Матросы требовали от машинного персонала убить деда. Их убеждали, что прохладнее от этого не станет. Они соглашались, но с утра опять требовали расправы. С вечерней усталостью эта агрессия переходила в мрачное молчание со стиснутыми от злости зубами. Грубошерстная брань изумляла арабский порт-надзор.

С таким настроением мы приблизились к Суэцкому каналу.

Он слышал и не такое! Но я, уходя в рейс, пообещал себе, что не оскверню ни уста, ни мысли свои ни одним непотребным словом, чуждым нормативной лексике. И сохранию в чистоте гуманитарную преданность матушке-филологии.

«Friendly company» уже поднимал винтом пузыри в акватории Порт-Саида. У причалов стояли самые разнообразные суда, а между ними извивались угрюмые водные переулки морской окраины. Они уходили куда-то вглубь и терялись из вида.

Нашему сухогрузу прежде, чем дать номер в караване перед прохождением Суэцкого канала, отвели место на открытой воде. Судно шло на малом ходу, потом — по инерции. Кормовой конец уже был закреплён на бочке плавучего якоря. Уже нужно было давать задний ход и окончательно остановиться. Но судно продолжало движение. Штурман заорал с мостика: «Куда на хрен!? Машина, стоп!!». Как ошпаренные, забегали матросы швартовой группы. Кто-то схватился за голову.

Но судно продолжало движение. Впереди застыл в стояночной дреме у причала небольшой изящный лайнер. «Friendly» шёл на него со штевнем, остро направленным в аккурат в середину белого корпуса, можно сказать — туда, где талия. Расстояние с каждой секундой сокращалось. Пассажиры, которые вначале с любопытством смотрели на эти манёвры, вдруг поняли степень опасности. Было видно, как неудобно бежать статной женщине на каблуках, как подхва-

тывает её и влечёт прочь молодой человек. Как заполошно, переваливаясь с боку на бок, спускаются по трапу на главную палубу две тётки, вышедшие показать свои бриллианты. Как долговязый парень тащит ребенка, в ужасе округлившего глаза, наверное, младшего брата.

За кормой раздался треск рвущегося каната. Швартовый конец, закреплённый на плавучую бочку, под действием ползущей массы парохода разорвался, как нитка. Оттянутая канатом бочка погрузилась и тут же выпрыгнула, расплескав кругами бурюю воду. Команда стояла, загипнотизированная зрелищем. Боцман задохнулся: «Реверс давай, козлина!»

Но машина не слушалась. Дед бестолково топтался возле пульта, истерично орал на мотористов, лихорадочно крутил диск управления. Но машина задний ход не давала!

* * *

По счастью, капитан вырулил! Сам стал к штурвалу и — вырулил! «Friendly» развернулся и прошёл метрах в тридцати от лайнера. Кто-то в форме на его мостике выразительно крутил пальцем у виска. Но ситуация из отчаянной перешла в будничную. Авария была предотвращена!

Тут же возник вопрос о списании стармеха с борта по профнепригодности. Но пришло уведомление, что его сменят после прохождения трудной части канала в порту Суэц. Наверное, чтобы ответил за всё повидло. А ещё по каютам прошёл слух, что теперь к судну приставят для опеки два буксира: с носа и кормы. Тогда администрация канала будет спокойна за

безопасность его прохождения. В свою очередь, судовладелец в виду таких нештатных затрат снимет с экипажа премиальные.

Мне рассказал об этом вездесущий Лёнчик. Я сдержал экспрессию и, храня чистоту речи, — молчал! С мостика спустился второй штурман и возмущённо поинтересовался: «Чего сидим? Кто-то собирается восстанавливать оборванный канат?». Эмоциональный пинок поднял матросов на ноги.

* * *

Вечером к борту с кормы подошла большая лодка с мощным навесным мотором. На замызганной деревянной палубе стояли, расставив ноги для устойчивости, три полуголых араба, один из них — на носу с багром. Четвёртый, очевидно, хозяин посуды, сидел у руля. Он жестами показывал, чтобы спускали канат, который его хлопцы должны оттянуть к бочке и закрепить по-стояночному. Канат был не пеньковый, а лёгкий, из полипропилена. Он не тонул. Длинная змея потянулась по воде от судна за лодкой.

Кто послал этих арабов, к какой конкретно службе порта они относились, толком никто не знал. А после пережитого стресса особо и не выяснял. Лодочники отмотали примерно 200 метров и старательно делали вид, будто хотят обойти бочку и прикрепить к ней канат. Вдруг оказалось, что он намотался на винт лодки. Арабы с озабоченным видом пытались достать конец багром, давали задний ход, дёргали канат втроём, чтобы поднять из воды. Рулевой развёл руками, сожалея о недоразумении.

Это было похоже на спектакль, исполненный плохими актерами, но сцена и действие были настоящими. Один из арабов, открыв ладонь, показал одесское «ша» и нырнул. Он подплыл к самой корме «Friendly» и ножом на глазах у всех отрезал плавающую часть каната. Подал знак, и на лодке взревел мотор. Она подхватила пловца на ходу. Потом повернула куда-то в переулки портового «шанхая». Конец тянулся за ней, как шлейф наших неудач. Лодочники быстро его подтянули и уложили кольцами на грязной палубе. Потом мотор поднял бурун, и воры скрылись. Морская полиция прибыла, как и водится, с запозданием и никого не нашла. Команда ругала воров на чём свет. Я разделял общее мнение, но — молчал!

* * *

В Порт-Саиде стармеху не нашли замены. Зато сменили второго механика. По палубе протопал крестьянского вида мужик, с животом навывкате и злобным выражением на лице. Он уничижительным взглядом окинул машину и брезгливо выкрикнул: «Протереть! Вашу мать...». Дизель здорово подтекал, я обтирал масляные подтёки ветошью, которую потом стирал раствором каустической соды, и тряпицы сохли на леерах, как флаги производственной нищеты.

Второй придирался ко всем и ко всему. Человека с более гнусным и сварливым характером нельзя было найти. Стоять с ним вахту было наказанием за мою авантюру. Таких склочных людей на флоте терпят только за их квалификацию: второй был настоящим профи. Он настырно регулировал подачу топли-

ва в форсунках, заставлял чистить утиль-котел после того, как там загорелась сажа. Каждую ночную вахту приходилось разбирать для промывки масляный сепаратор. Наконец он загнал всю машинную команду под плиты, и мы, обстукивая здоровенный ключ, накинутый на крепёжные гайки, притягивали главный двигатель к фундаменту.

Не помогало! Обороты падали, масло текло слёзными потоками, и скорость едва доходила до 4 узлов.

Второго ненавидели и тихо матерились ему в спину. Я — молчал! А в том, что морское слово хоть и не цыганское заклятие, но тоже имеет силу, мы убедились, когда дотопали до Бушира.

...Взяли рис, пошли вроде бы в Сомали. Судно медленно, коптя чёрным дымом обетованные небеса, скользило по маслянистой глади Персидского залива.

Очевидно, газы прорвались из камеры сгорания в картер и, как бывает, подхватили масляный туман... Дизель пошёл в разнос! Это бывает редко, но — бывает! Внезапно обороты начали бесконтрольно расти, тяжёлые металлические удары грозили разбить его на куски, как глиняный горшок. Судно забилося в конвульсиях.

Второй бросился к пульту. Его глаза налились кровью, было видно, как он отчаянно дышит. А из вентиляционных шахт уже повалил густой серый, как войлок, дым, заполонил клубами пространство. Второй что-то сделал, чтобы остановить разнос, но дыхания ему уже не хватало. Пальцы его разжались, он

отпустил пульт, судорожно схватился за грудь и сел на пайолы.

Я лёг на плиты, куда ещё не спустился дым, сделал сильный вдох и задержал дыхание. Потом схватил механика подмышки и потащил к аварийному лазу. Он был на грани потери сознания и едва помогал мне, толкаясь от пола пятками. Я перетащил его тушу через комингс в коридор гребного вала, перенёс его ноги. И задраил дверь. Свежий воздух пьянил чувством спасения.

Станешь ли ты помогать своему врагу? Я свято верил, что долг человека служить эволюции. Сегодня нас вне рассуждений уравнила воля жить. Мы поднялись по аварийному лазу, ведущему на палубу. Благодарности я, конечно, не ждал, этот сухарь не мог оценить, что я, по сути, спас ему жизнь.

Движение вверх по шахте сопровождала его вычурная брань. Я имел право ответить. Но филологическое слово крепкое. И верный обету я — молчал!

После этого судно совсем потеряло ход. Превратилось в плавучее корыто. Благо хозяин сухогруза нашёл покупателей и наказал за сутки подготовить судно к продаже в Дубаи. На борт прибыли техпредставители компании. И началась работа.

Мы с Лёнчиком чистили подпоршневое пространство. Губка, которой промокали мазут и выжимали жижу в ведро, растрепалась. Выстиранной ветоши не хватало. Я поскользнулся и всем телом упал в лужу ма-

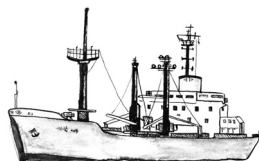
зута. Рядом Лёня так же барахтался в тёмной вязкой массе отработки, как вареник в сметане.

Мы выползли на палубу часа в четыре, когда брезжил рассвет. Созвездья мерцали в лад с мачтовыми огнями. Команда собралась возле кормового трюма, где было больше места. Многие уже переоделись, собрали чемоданы. Мы же вылезли как из преисподней. На нас взглянули понимающе: на флоте раз от разу каждому достаётся. Но второй не сменил ампула: он ткнул в нашу сторону пальцем и начал хохотать: «Почирикались с двигуном! Грязные, как арабы. Катер таких не примет, оставим вас кочегарить в этой заднице!»

И тут меня прорвало! Я орал на второго механика звонко прорезавшимся пионерским голосом. За минуту ему был возвращён весь его скудный словарь. Надо было остановиться. Но с каждым словом, попадая в уязвимые точки его самолюбия, я получал облегчение и освобождался от вынужденных внутренних зажимов. Второй стоял будто вынутый из стиральной машины. Он втянул голову в плечи и беспомощно таращил глаза.

— Ну ты даёшь, филолог, — как зачарованный произнёс Лёнчик. И мы пошли отмываться и собирать вещи.

Случай так и остался в моей жизни исключительным. Вот и спрашивается, выпадают ли из памяти события, которые не имеют продолжения? Оказывается, не всегда...

МАРТЫН-МОРЕХОД

Мартышка нахально смотрела на посетителей сквозь тонкие прутья решётки. Её темно-жёлтые глазки насмешливо бегали, обозревая коротко постриженного пожилого мужчину и мальчугана, державшего его за руку.

— Ну вот, внучёк, наш Мартын. Устроился, — произнёс он и досадливо прицокнул языком, заглушая непрошеное воспоминание.

Но всё равно вспоминалось... как однажды лопнул трос и ударом ему чуть не сломало ключицу, как в тайфун волной выбило иллюминатор, пока он, пристегнувшись страховочным поясом, рискуя быть смытым продвигался по палубе, чтобы захлопнуть люк в кладовку. Ветер срезал верхушки гребней, отчего волны казались плоскими. Как лебёдкой брашпиля и палубным краном почти двое бессонных суток по полметра подтягивали цепь, полностью отпущенную в воду с якорем, из-за чего судно теряло ход. Как таможенники ушли, не сумев открыть заевший замок в ящике стола, в котором он потом обнаружил колоду подброшенных порнографических карт. Вспомнил развод, обидное несправедливое понижение в должности...

Друг слушал его беды, пока не оборвал: «Сам выбирал, тебя не вынуждали. Так что нечего жаловаться. Понял?». Боцман признал правоту этих слов, успокоился, как ребенок, которого простили. И снова двинул в море.

Моряки и впрямь как дети. И животных любят, как дети. Так и образовалось на борту три кота. В экипаже их прозвали кот — Котовский, кот — Котляревский и кот — Валя Котик. Постепенно вместе со своими хозяевами они покидали борт. Судовая фауна оскудела. Но — не надолго.

В порту боцман пожалел обезьянку, которую тянул на поводке индус, выкупил её вместе с ремешком и притащил на пароход. Капитан был недоволен обновлением зверинца, но боцман дал зарок, что это последний рейс, и угроза списания его не пугала.

Моряки, привыкшие к адреналиновым ситуациям, углядели в беспокойной мартышке родственную душу. Их забавляло, когда она лёгким прыжком взлетала с трюма на палубу спардека и с этой трибуны поглядывала, как матросы оббивают ржавчину, подкрашивают леера, набивают маркировку. Бандерлогу не хватало только стека и белого пробкового шлема, чтобы завершить образ колонизатора.

— Дракоша*, что твоя подопечная сверху видит? Скоро домой?

— Скоро, — отвечал за неё боцман. — Вот только поднажмём если.

— А Мартын вместо тебя останется?

— Разговорчики! Ты работай давай, а то сам в читу превратишься, — и прикрикнув, как его обязывала должность, мечтательно добавлял: — подарю её внуку. А может, тебе оставлю. Хочешь?

* Дракон — прозвище боцмана на флоте.

Но путь домой затянулся. Неожиданно подпортило настроение распоряжение брать в Африке рис и везти его снова в Индию. Ещё больше боцмана разобрала досада, когда он проигрался в карты.

Играли на уговор. Боцману предстояло не стричься до конца рейса. Волосы росли, пышно обрамляя бахромой лысую макушку. Чтобы они не мешали, он собирал их в косичку, которую стягивал резинкой, какой прижимают рецепты к флакону с микстурой.

Судно шло по курсу, с каждым днём удаляясь от дома. На душе знобило. Приуныли все, в том числе и Мартын. Он с ехидным укором брал предложенный ему банан, мол, не просился на ваш пароход — сами взяли, кормите вот теперь. И поворачивался розовой задницей к руке дающей.

Огорчение мартышки передалось и боцману. Обеспокоило, что она перестала скакать и пакостить по мелочам: не заболела ли? Чтоб воспрянуть, он с безадресным «та мать его» сорвал с головы кепку. От резкого движения слетела резинка. Могучие воздушные потоки Индийского океана в момент наэлектризовали и подняли копной его седые волосы. Кто-то не преминул заметить:

— Петрович, у тебя патлы торчат во все стороны, как у Эйнштейна.

— А может, как у Карла Маркса, — съязвил боцман.

— Не, у Маркса умище был во какой! А у тебя только лысина под фуражкой.

— А Эйнштейн, по-твоему, дурак был?

— Эйнштейн в карты не играл, он больше — на скрипке. Хочешь отыгаться? Ставь Мартына на кон.

Подавленные эмоции недолго бывают скрытыми и всё равно выпирают, как тесто из горшка. Достаточно неосторожно брошенного слова, и уязвлённая гордыня оглушает яростью человека, поглощённого своей обидой. И он опрометчиво совершает поступки, которые потом гложут его и беспокоят.

— А давай! Давай! — запальчиво крикнул он. — Не боишься, что взую тебя, как первоклашку?

— А Мартына не жалко будет?

— Да пошёл он. Мартышка драная! — выпалил раззадоренный боцман. Он хлопнул ладонью по планширу, сплюнул за борт. Уставился в зеленоватую беспокойную даль. Обезьянка сверху наблюдала за этим разговором. Обычным в общем-то разговором двух моряков, утомлённых долгим переходом, однообразием стеснённого судном пространства, куда давно не долетали вести из дома.

Что заставляет людей сетовать на морскую жизнь, но снова идти в плавания? Парадоксы — необъяснимы. Кто принимает их как неизбежность, служит на флоте. Остальные — уходят. Сколько раз в рейсе возникают придирки и беспричинные ссоры, пропадает желание видеть друг друга! Сколько раз бывало, что, заслышав чьи-то шаги по коридору, стоишь за дверью и не выходишь из каюты, ожидая, пока тот не пройдёт, чтобы избежать встречи с ним. Он, в свою очередь, тоже чувствует твоё напряжённое ожидание и ускоряет шаг.

Конфликт кажется непримиримым, сведение счетов неминуемым. Но стоит ступить на берег, как враждебность исчезает. Моряки весело переговаривают-

ся, хватают на лету земные новости, обещают встретиться и посидеть за столиком. Прощаются, пожимают друг другу руки, искренне сожалея, что надо расставаться.

Но дом — важнее! Там за полгода подросли дети, взволнованно перед встречей оглядывают себя в зеркале расфуфыренные жёны. Тёщи дают им последние наставления не миндальничать, а сразу спросить о зарплате и идут на кухню стряпать: зять хоть и пришлый, но свой. Потому лучшее, что привозит моряк из рейса домой, это радость. Так наступает мир. И обретается смысл жить.

Но до возвращения было... Бог весть сколько! Мили превращались в месяцы. А ситуация возле трюма разрасталась на глазах. Чувство сопереживания мартышке невдомёк, но мотивы человеческих поступков она понимала природным чутьём. Обида рождает месть, и обезьянка не сдержалась. Она одним сильным прыжком покрыла расстояние от спардека до боцмана и ухватила за его торчащие лохмы. Потом намотала их на передние лапы, а задними крепко упёрлась ему в плечи. Боцман попытался её сбросить, но тщетно мотал шеей и неуклюже топал ногами по палубе. Мартын скалился, визжал и не отпускал волосы, как свою добычу. Матросы пробовали оттащить его, но Мартын изворачивался и продолжал дёргать боцманские космы, давая волю своему злорадному превосходству.

Натешившись, мартышка снова взобралась на облюбованный постамент и самодовольно взирала на свою режиссуру.

Получив сатисфакцию, она вроде как подобрела. Боцман с удовольствием постригся «под ноль», обозвал мартышку читой и потрохом, но продолжал покупать для неё бананы в судовой артелке.

В Одессе её удалось вывезти на служебной машине начальника портовой охраны, который был соседом по лестничной площадке. Семейный совет не долго мозговал. Мартына передали в дар Одесскому зоопарку, где ему отвели отдельную клетку и поставили на довольствие.

Теперь клетка для обезьянки была её вотчиной, её личным пространством. Её мартышкиной свободой: от проблем, где добыть пищу, от условностей общества... Её глазами — это люди, стоявшие снаружи, находились в неволе, за решёткой. Это им нужно было делать ремонты, запастись на зиму, строить суда, ждать в кадрах назначения, чтобы идти на заработки в моря. Она же сидела и тщательно, словно следуя врачебным рекомендациям, пережёвывала банан с прежней мотивацией: сами взяли, вот и кормите теперь. Потом ретировалась в тень отдохнуть. У мартышки начался адмиральский час.

— Да, чита своё отплавала, — сказал сам себе мужчина. — Да и я тоже. Идём-ка, Сашенька, посмотрим на слона.

МЕНЯЛА

Дима Бергер с детства мечтал стать моряком.

— Почему же вы не стали? — спросил я.

— Какой же моряк, если я еврей? Ты ж понимаешь?

Дело давнее, я не сразу догадался, что должен был понять.

Дима, не отводя взгляда, просвечивал меня насквозь миндальными глазами. Будто знал о моей жизни больше, чем я сам о себе. От этого становилось неловко и хотелось сказать ему что-нибудь утешительное. Но обычное: «Не надо огорчаться, это пройдёт», — было явно неуместно. И я просто утвердительно кивнул.

— Ну вот, — он одобрительно улыбнулся, словно, наконец, дождался моего согласия. — А ты говоришь...

Хотя я ничего не говорил. Я работал репортёрским «диктофоном», то есть в основном слушал то, что отвечают на мой вопрос.

Черноморское пароходство разваливалось на глазах. Кто ушёл, вернуться в соискатели морской удачи уже не мог. Товарищ, узнав, что я валандаюсь без работы, затащил меня в молодёжную газету, где нужны были журналисты. Теперь в порядке переквалификации я брал интервью у Димы.

Следовательно молодая, экстравагантная женщина с хорошей отделкой макияжа, вздёгнув подбородок,

посмотрела оценивающе и, не выявив во мне хищника пера, разрешила: «Идите, молодой человек, побеседуйте с задержанным. Оч-чень интересный экземпляр!» — и заложив ногу на ногу, удовлетворённо откинулась на спинку казённого стула.

Дима сидел за решёткой. В камере на замызганной скамейке он чувствовал себя уютно, как на домашней тахте. Интервью чем-то похоже на допрос: один спрашивает, другой — отвечает. Но в данном случае общение было больше похоже на беседу в поезде, когда откровенничаешь со случайным попутчиком. Дима ничего не скрывал. Казалось, он не боялся ни следствия, ни грядущего за этим сроком. Он улыбался, поглядывал на свой круглый животик, поглаживал рано лысеющую голову:

— Мне папа всегда говорил, не надо врать! Тебе всё равно никто не поверит. Зато останешься чистым перед самим собой.

Впервые почувствовать, что эта привычка отнюдь не безобидна, Диме пришлось уже в детском саду. Тогда считалось, что все мальчики должны хотеть стать космонавтами или, по крайней мере, полярными лётчиками, геологами-первооткрывателями или военными. Так дети и говорили, отвечая на пытливые вопросы воспитательницы. Дима, шмыгнув носом, честно сказал: «Хочу чинить автоматы с газводой».

— Димочка, — укоризненно пропела Нина Павловна. — Как это можно? И зачем тебе это?

И Дима опять-таки без всякого лукавства ответил:

— А жить на что?

Вечером мама пришла его забирать, и воспитательница, не скрывая возмущения, поведала, о каком бу-

дущем мечтает сын Берты Михайловны. Та внимательно, даже сочувственно выслушала воспитательницу и так же грустно констатировала: «Оно, конечно, да. Но, а жить на что?»

— Ну, знаете ли!.. — только и смогла произнести Нина Павловна, сдерживая праведное негодование и одновременно понимая бессилие формальной педагогики перед выстраданным аргументом. Но Дима попал в опалу.

Так же обошлась с ним судьба, когда он не прошёл по конкурсу в мореходку. Быть дурным примером для окружающих, чувствовать свою ненужность в обществе — это тяжело даже для взрослого. Но негласный статус лишнего человека способствует выработке наблюдательности и точной постановки психологических диагнозов, развивает интуицию и умение угадывать исход общения ещё до того, как оно началось. Это, наверное, и есть мудрость, когда без долгих раздумий поступаешь самым рациональным образом.

С этими качествами Дима, когда подрос, и вошёл в сферы, где не очень ладят с законом. Но где ценится индивидуальность, самобытность преступного почерка, конечно, фарт и кураж как мотив подсудных поступков.

— Дмитрий, как же вас представить в статье? Ни жулик, ни жаргонное словцо «кидалово» вам не подходит, не отражает сути.

— Пиши: меняла!

Дима не стал моряком, но навсегда сохранил к морякам особое отношение. Он их любил, но странною любовью.

Как известно, народ «водоплавающий» являлся самой обеспеченной частью граждан. К тому же у моряков водились доллары. А поскольку операции с американской валютой могли привлечь внимание органов, моряки старались обменять доллары на рубли. Обменных пунктов не было, а необходимость менять деньги — была. Поэтому они обращались к частным денежным маклерам. Это занятие было рискованное, и не каждый за него брался. Но Дима рискнул. Когда при пересчёте в его руках мелькали долларовые купюры, он душой приближался к дальним странам, где они были в ходу. Но страны напоминали о себе разве что через анекдоты. Вроде этого:

— Абрам, ты в этом году не был в Италии?

— В Италии я не был в прошлом году, а в этом я не был во Франции.

Чем недоступнее были границы заморских земель, тем ярче раскрывался криминальный талант Димы. И росла надежда однажды накопить столько, что можно будет жить в зарубежном мире изобилия и комфорта.

Но для этого нужно было не попасть как в руки правосудия, так и в руки тех незадачливых клиентов, которых он брался облапошить.

Догадываясь, что моря ему не видать, как Воронцовского маяка в тумане, Дима учился не очень прилежно. Но чутьём он улавливал именно то, что конкретно было нужно ему для жизни. А главное, как практик он лучше был приспособлен к выживанию, чем его образцовые одноклассники. Их аттестаты с отличием не закрывали пробелов в будничной борьбе за материальное благополучие.

Одесса стоит на возвышении, откуда к порту из центра ведут спуски. Словно город сходит со своего пьедестала к рабочему месту, принесшему ему торговую, а по обретению средств — и культурную славу. На одном из таких спусков стоял да, собственно, и стоит дом. Обычный, серо-мамалыжного цвета, с разновысокими этажами, потому что фасад его на верхней поверхности склона, а задняя часть внизу на приморской улице, где заканчивается склон. Теперь верхняя входная дверь в подъезд замурована, делая проход уже невозможным. А прежде...

Входя со стороны спуска в упомянутое парадное, человек попадал в небольшую полутёмную залу, расписанную народными просветителями. На стенах были выведены поучения типа «Дальше положишь — ближе возьмёшь» или «Не имей сто рублей. Имей сто тысяч».

Лестница начиналась за несколько шагов от порога. А потом маршевыми зигзагами уводила вниз. Ступени были железными, с фирменным клеймом изготовителя на каждой. На лестничные площадки выходили двери: деревянные или обитые рыжим дерматином, с торчащими пасмами потемневшей ваты. Хранили барахло старые комоды или сундуки, накрытые тряпками, прежде бывшими майками или трикотажными кальсонами.

Надписи продолжали сопровождать путешественнику по лестничным пролётам и далее, напоминая, что «Любовь — костер. Не кинешь палку — погаснет». Штукатурку оживляла галерея оголённых женщин с надписями ещё похлеще. Настоящим же шедевром были нарисованные часы, стрелки которых показывали вечное одесское время 7.40. В сочетании

с тёмно-зелёными альфрейными разводами и перилами из благородного бука обстановка несла ауру интимной доверительности.

Дима тоже странным образом располагал к себе. И, зная за собой это свойство, пользовался им, как мастерской — хорошо заточенным инструментом.

Под стать себе он нашёл и напарника. Среди блатных шаромыг, с которыми Диме приходилось общаться по роду занятий, один был болтлив, другой нерасторопен. Пьяниц он и вовсе не жаловал. Подходящей кандидатурой оказался друг детства с соседней улицы Женя Глыдман. Он раньше тоже хотел стать моряком.

Задуманная комбинация обогащения была несложной, но требовала присутствия духа, мгновенной реакции на перемены ситуации и артистизма. Женя не ходил в драмкружок, но разыграть человека, обременённого вечной нехваткой денег, мог запросто. По его словам, он даже не играл, а просто был самим собой. В его задачу входило найти клиента. И между делом вернуть, что проблема с обменом долларов решается. Нужно только подойти... И Женя называл номер дома на приморской улице. Более того, говорил: «Так я там живу. На втором этаже». А доллары нужны, чтобы купить антиквариат и переслать его за границу.

В назначенный час Женя поджидал клиента внизу. Он встречал его в шлепанцах, майке навывпуск поверх заношенных шаровар с пузырями на коленях. Глазам моряка открывался обычный подъезд. Дневные лучи улыбчиво высвечивали намалёванные часы. Улица шумела листвой и автомобилями буквально в двух

шагах, при необходимости ретироваться можно было мгновенно. На западню подъезд никак не был похож.

Клиент заметно успокаивался. Тем более, что он часто приходил не один, а приводил двух ребят, готовых кулачной расправой помешать возможному обману. Они стояли неподалёку, всем видом изображая свою непричастность к финансовой операции.

Женя кричал навстречу: «Алё, гараж! Дима, братик родный, спускайся, за тобой, тьфу, к тебе пришли». Дима спускался. Здравовался. Он был закутан в банный халат, на голове его было чалмой закручено мокрое полотенце, а по голым пяткам похлопывали резиновые шлёпанцы-вьетнамки. Это совсем обезоруживало бдительность клиента.

— Товарищ хочет change*? — говорил Дима почти утвердительно. — Щас-с! А я только душ принял. Сколько у вас?

Клиент уже без опаски доставал пачку долларов.

— Давайте! Посчитаем. Точненько, как в аптеке. Но не здесь. Домой, извините, не приглашаю, там болеет мама. — И снова деловито произнес: — щас-с, — Дима медленно поднимался якобы в свою квартиру. Глыдман никуда не уходил. Он стоял и с интересом читал на стенке неприличные надписи. Дима скрывался из вида. Два-три минуты его не было.

— Да что за фигня, — возмущался по сценарию Женя, — сейчас я его подгоню. — И он быстро поднимался по лестнице.

Через полминуты моряк начинал волноваться и, свистнув своих вышибал, шёл с ними навстречу. Взгляды преследователей упирались в две двери и шесть раз-

* Change (англ.) — обмен.

ных звонков. Понимая, что не нужно вовлекать в гешефт здешних жильцов, менялы сверху кричали так, чтобы было слышно внизу: «Скорее! Бегом!»

Гремя каблуками по железным ступеням, преследователи бежали за ними наверх. Они уже поняли, что их надули, но ещё не уяснили — как! Но их уже гнала наверх жажда мести и возврата своих денег. Или наоборот: вначале — денег!

Зигзаги лестницы заканчивались. На божий свет выводила распахнутая дверь. Спуск блестел трамвайными рельсами такими же солнечными, как блики на стекле «Жигулей», увозящих двух менял. Автомобиль на скорости съехал вниз, свернул в сторону Балковской и затерялся в улочках Бугаёвки.

Фокус Димы строился на том, что парадная — проходная. Казалось бы просто. Но только на словах! Риск был большой. Ждущий на спуске водитель мог обмануть и уехать. Рядом случайно могли оказаться патрули. Вышибалы могли тут же остановить частника и погнаться за беглецами.

Что заставляло Диму разыгрывать такие сцены? Жадность? Нет, он не был жадным. Деньги он любил тратить, не считая. Маниакальность? Тоже нет! Со мной через решётку разговаривал умный человек. Но, по его словам, острота переживания опасности дарит такие яркие впечатления, а удача — такую удовлетворённость, что это сравнимо разве что с порывом творческого вдохновения. Он улыбался, поглядывал на свой круглый животик, поглаживал рано лысеющую голову. И, казалось, знал о моей жизни больше, чем я сам о себе.

Он попался потому, что один из клиентов выследил его и двое других нанятых вышибал перекрыли выход наверху. В травматологии Первой городской больницы их койки с Женей стояли рядом.

— Ну что, наговорились? — снисходительно спросила следователь. — Значит, так: материал перед публикацией мне на стол. Иначе... — она строго погрозила пальцем.

Палец был тонкий, изящный. Луч сверкнул на глянце маникюра. Со второй вспышкой она поправила розовое жабо на кофточке. Она была красивая. А надменность и упирающийся в тебя холодный взгляд были просто ментовским антуражем. Профессиональным приёмом что ли.

В любом случае, она была — недоступной!

Диме Бергеру дали два года. За это время в массе редакционных заданий я о нём забыл. Но однажды пришлось опять обратиться за очередной сенсацией в тот же райотдел. Естественно, я сразу направился в знакомый кабинет. Там сидела другая женщина и жевала булку.

— Я из газеты. Ирина Серафимовна есть? Можно с ней поговорить? — спросил я.

— Уехала. Вышла замуж наша красавица, — причмокнула новенькая. Кажется, с долей зависти.

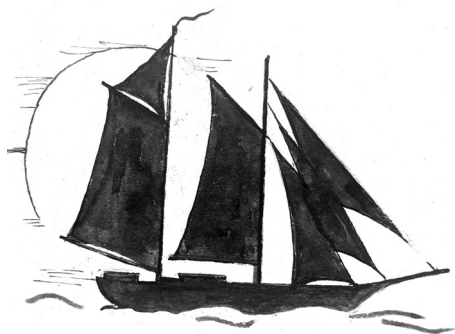
— За кого? — выиграло любопытство, превысив служебный этикет. Всё же такие вопросы не входили в рамки интервью.

— За Диму Бергера. Слыхали о таком?

— Да, — удивлённо ответил я.

— Вот и пишите ей теперь в Австралию.

Я вышел озадаченный. Что свело этих людей, стоящих по разные стороны справедливости? Или согласно диалектике притянулись противоположности... Бедствовать Дмитрий в стране кенгуру уж точно не будет. Наверно, купил яхту или катер, взял Женьку матросом и осуществил свою мечту. Путь к морю не всегда гладкий, бывает и тернистый. Подумал, и самому завидно стало. Но мои мечты тоже сбылись, только позже. В свой срок!

ОБНОВИТЬ «КОПЕЙКУ»

А было это... во времена, когда предметом зависти любого автомобилиста считалась машина ВАЗ-2101 по прозвищу «копейка». Официальное название «Жигули», придуманное Волжским заводом-изготовителем, больше напоминало известную марку пива, чем Жигулёвские горы. Тем более, что в Одессе, привыкшей к своим понятиям и величинам, в пику им более популярной оставалась Шкодовая гора.

Она с незапамятных времен поглядывает с высоты 50 метров на проезжий шлях, проложенный чумаками, которые везли на продажу соль из Таврии. Обогнуть гору было невозможно. Когда затапливало Пересыпскую косу, разделяющую Куюльницкий и Хаджибейский лиман, возницам, чтобы не увязнуть с поклажей, ничего не оставалось, как гнать волов по бугристым склонам, ломая оси телег. Промысловики удручённо качали головами: «Це не гора, а самисинька шкода». То есть не гора, а настоящая проблема. Так этот топоним и сохранился на карте.

Одновременно Одесса с её уважительным отношением к деньгам перекалвалифицировала модель-«единичку» в «копейку». Так и пошло по миру с подачи какого-то безлошадного остряка. Ведь денежка хоть и мелкая, но без неё рубля не наберёшь.

Злые языки ссылались на то, что ВАЗ-2101 как стра-близнец скопирован с «Фиата». Но итальянскую модель основательно доработали примени-

тельно к советским тернистым дорогам. Отчего машина заслуженно пользовалась необыкновенной популярностью.

Вот на таком автомобиле, сверкающем белыми крыльями на солнце, и катил Шурик по Пушкинской в направлении вокзала. Кому машина роскошь, кому средство передвижения, а ему она была — кормилицей. Если моряки привозили вещи «на школу», то есть на продажу, то Шурик работал «на кастрюлю», то есть занимался нелегальным частным извозом. Эта коммерческая жилка билась в нём с детства, подобно песне, жить помогая. Но на беду иногда побуждала к махинациям там, где не следовало. В частности, его сгубил change*, когда он менял у арабов цветной металл из судовой кладовки на модные тогда открытки «моргай-моргай»: изображённая на стереоповерхности девица при покачивании фотографии призывно щурила глазок. Шурика поймали за этим занятием и с тех пор моряком дальнего плавания он уже не значился. Но чтобы совсем не разлучаться с морем, он устроился мотылём** на плавкран молодого Ильичёвского порта.

Шурик сменился с вахты и теперь готов был «подкастрюлить». Клиент ему попался из приезжих, но словоохотливый. Свою склонность к многословию командировочный реализовывал всю дорогу, востор-

* Change — вообще-то «изменять», но так моряки называли мелкий товарообмен.

** «Мотыль» (жарг.) — моторист.

гаясь образцами жульничества, о которых наслушался в гостинице от таких же любителей криминальных историй.

Шурику это было не интересно, к тому же пассажир стрекотал без перерыва, как кладёт строчку швейная машинка. Ехали за город. На окраине белокрылая «копейка» застряла у железнодорожного переезда, товарные вагоны медленно, как коровы, подолгу замирали на путях, и Шурику ничего другого не оставалось, как слушать болтуна. Речь шла об угоне!

История выглядела примерно так!

Порт Ильичёвск ещё строился, главное внимание было к причалам у рыжих глинистых берегов маленькой деревеньки Ильичёвки, поэтому обносить территорию порта забором не спешили. Для солидности доставало проходной и нескольких пролётов бетонной ограды в обе стороны от неё. Главная задача была освободить Одесский порт от перевалки угля, пыль от которого иногда поднималась до Приморского бульвара. Переселение порта состоялось. Но разве такие грузы, какими он ворочал, являлись привлекательным предметом для хищения? Чёрные штабеля антрацита, чугунные чушки, рассыпавшие окалину, пласты листовой стали, лежавшие как слоёный пирог, не возбуждали рефлекса присвоить кусочек чужого добра.

Только с некоторых пор на огромной площадке, распластанной возле моря, стали накапливать партию автомашин для отправки не то на Кубу, не то в Африку. Длинными рядами стояли и ждали часа погрузки на борт новенькие «копейки». Шеренги формирова-

ли по цвету. Жёлтая полоса следовала за красной, за ней — коричневая, синяя, снова красная, потом белая. Как рафинад!

Машины подгоняли на построение своим ходом и оставляли с заправленными баками и с нужным для перемещения объемом масла. Шины были упруги, ключи лежали на водительском сиденье в салоне. Чего лишь не было, так это номеров. Последнее и навело на преступную мысль.

В частности, владельца белого ВАЗа-2101, который работал в порту. Его автомобиль изнашивался, или даже истаскался на родных ухабах и колдобинах. И недовольно фыркал, когда из него пытались выжать больше 80 км/час.

Утром этот портовый деятель — моряк в жигулёвском седле невозмутимо подкатывал к проходной, презентабельно, как дорогую визитку, доставал пропуск и с лёгким пренебрежением предъявлял охраннику: мол, машинка хоть старенькая, но своя. Так что знай наших! Охранник пожимал плечами, мол, нашёл, чем форсить, давал отмашку напарнику, и шлагбаум, символически перекрывавший путь, поднимался, поскрипывая, наподобие колодезного журавля.

Портовик, о котором вёл рассказ пассажир, оказался смекалистым. Это и восторгало рассказчика. Он прицокивал языком и, хлопая тылом ладони о другую, восклицал: «Ну ловок, зараза!»

Хитроумность плана состояла в том, что портовик дождался ночи, договорился за магарыч с дежурным электриком, чтобы тот на 15 минут отключил прожекторы. И тихо на малом ходу подогнал свой старый «жигулёнок-единичку» к автоплощадке, как раз к тому ряду, где ждали отправки такие же белые «копейки».

...Он действовал быстро, с профессиональной сноровкой моряка. Номера со своей машины он заблаговременно снял. И теперь, как по алярму*, без единого лишнего движения, переставлял их на новый ВАЗ, стоящий почти в середине ряда. Да, не с краю на случай, если вдруг всё же хватятся и увидят подмену. Затем он открыл дверцу, переложил документы на второе сиденье, вставил ключ в замок... Машина завелась, как новенькая. Тьфу-ты, Господи, да она же такой и была! Экспортный вариант! Потом поставил на освободившееся место свою старушку. Оглянулся. Осмотрелся. Перекрестился. И дал газу.

Утром, после ночной вахты, он сел за руль. Выкурил сигаретку, чтобы унять биение сердца. И — вперёд. Как он и рассчитал, охрана к этому времени сменилась, заступивший на службу пенсионер глянул на пропуск и, уверенный, что, если пропустили в порт, то придираться не к чему, кивнул: проезжай!

Загородные склады, нужные командировочному, были сразу за переездом. Он протянул Шурику обещанную трёшку. Сказал: «Хорошо в пути поговорили, — чем немного удивил Шурика, который всю дорогу терпеливо молчал, слушая болтовню клиента. — Дружище, извини, много говорил. Я всегда такой. Но ты не обращай внимания: всё это враньё, ничего такого не было. Ну, будь здоров!»

* Алярм — судовая тревога.

Шурик развернул «копейку». Она внимательно слушалась руля, легко набирала скорость, как и положено автомобилю экспортного исполнения.

— Ну уж так-таки и враки, — усмехнулся он. — А эта машина у меня, по-твоему, откуда? Дурак ты, дядя. Одно слово: приезжий!

ПОПУГАЙ ПТИЦА ГОРДАЯ

Андрон не сходил с борта полтора года. Его чистые намерения накопить побольше денег и сыграть свадьбу рухнули после сообщения от матери, что его ненаглядная встретила свою сухопутную судьбу, и трудная наука ждать, как Пенелопа, ей не по характеру. То, что печальные расставания в жизни многих моряков почти неизбежность, не утешило Андрона. Он мрачно запросил продления контракта ещё на 9 месяцев, замкнулся и стал качаться, уравнивая обиду пудовой гирей. Но каждое ущемлённое сердце должно отмякнуть, и он купил на Кубе попугая. Вернее, выменял в порту у докера за пять флаконов одеколona. Сочинил из проволоки клетку, повесил её под подволоком, поселил в ней непоседливого питомца. И все душевные силы, свободные от вахт и судовых работ, сосредоточил на проворной птице с весёлым зелёным опереньем.

Попугай оказался не очень шумным, но — прихотливым. И, как все представители породы амазон, требовал к себе повышенного внимания. И ещё не любил сквозняков и одиночества. Андрон не долго раздумывал над именем, хмыкнул: «Амазон-фармазон», — и назвал его Гоша! Только простота — любви не помеха, и матрос привязался к заморской птице душевно. А поскольку все истории за долгий рейс были по сто раз рассказаны и выслушаны, он передавал ей весь свой словарный запас, хранимый в рундучке матросской памяти.

Ясно, что Андрон был далёк от преподавания словесности, но доброе отношение к пернатому другу возобладало над отсутствием педагогических данных. Покачивались в такт судну, они сидели и артикулировали по слогам: «Го-ша».

— Го-ша! — уверенно гнусавил попугай.

— Мат-рос, — важно произносил Андрон, приударя себя в грудь кулаком.

— Мат-рос, — как отзыв на пароль чеканил Гоша. — Стар-рпом! Дур-рак!

Попугай оказался на редкость способным и за полгода запомнил порядка сотни слов. Разных, включая, конечно, и отвергаемые цензурой, которыми лихо полнится народная лексика. Понемногу попугай так наострился, что мог говорить даже короткими предложениями. Он схватывал слова на лету, недаром же был птицей. И порой как истый самоучка произносил фразы, которым его никто не учил, но которые были у него на слуху, когда в каюте Андрона собирались «шульцы»* послушать вещую чудо-птицу.

Матрос оббивал ржавчину на палубе, красил лее-ра, вечерами стоял у руля и понемногу забывал свою неверную невесту. Океанские закаты в полнеба растворяли его обиду, он обретал внутренний покой и ту эмоциональную уравновешенность, которую можно приравнять к простому человеческому счастью, если такое вообще существует. В полночь, сменившись на мостике, он утолённо возвращался в свою каюту. Приделанная к люстре клетка слегка покачивалась, наподобие тёплой колыбели, в полусне Гоша что-то бормотал себе под нос. И Андрону становилось радостно

* Шульцы (*жарг.*) — общее название рядового состава: матросов и мотористов.

и по-домашнему уютно, будто он снова попадал в детство, в своё бессарабское село, где под нагретой печкой, в комнатке, пахнувшей травами и свежевыпеченным хлебом, бабушка рассказывала ему удивительные сказки о дальних морях и молодильных яблоках. Не поднимаясь до библейских ощущений, засыпая, одиночный матросик подсознательно соглашался с тем, что человек и птица — собратья по дням творенья. И поэтому разговаривают на одном языке, живут в одной каюте, а сейчас храбро огибают Саудовскую Аравию, направляясь в порт Бендер-Бушир, напоминающий о близком к селу райцентру Бендеры.

Но Иран — не Молдавия. Утром незадолго до аврала старпом окликнул Андрона: «В порту строгие санитарные власти. Никакой живности без спецдокументов на борту быть не должно! Иначе могут к причалу не пустить или взгреют по Конвенции таким штрафом, что без бонуса останемся. Усёк?»

— Так чего я... — насутился Андрон.

— Яснее сказать? — жёстко произнёс чиф*. — Когда придут с проверкой, чтоб попугая не было!

Издалека уже виднелись выдубленные солнцем причалы. Виднелись развалины наполовину разрушенной мечети. Из-за белых складов выехал джип и подкатил к месту швартовки. Здешняя карантинная служба была не то, чтобы придиричива сверх предписанных норм, но славилась каверзностью.

Моряки рассказывали случай, когда кто-то из таможенников или портовых инспекторов упросил одно-

* Чиф (от *англ.* «chief officer») — старший помощник капитана.

го судового умельца нарисовать им обнажённую женщину. Тот и согласился, польстившись на какую-то поделку, кажется, верблюжонка, отлитого из латуни. И изобразил тётку со всеми прелестями. Потомки Ахеменидов сладострастно потирали руки, ухмылялись довольно. А потом заявили о нарушении запретов их общественной морали. Бедолага еле избежал заключения в восточной кутузке. Благо его оперативно пересадили на отходящий пароход этой же судоходной компании, заменив другим специалистом.

А сверху уже раздавался голос боцмана: «Андрон! Андрон. Где тебя черти носят! На палубу!». Думать было некогда. До аврала оставались считанные минуты.

— Прости, дружище. Терпи! — с этими словами матрос открыл клетку, извлёк Гошу. Тот доверчиво прильнул к кормившей его руке. В рундуке лежала грязная роба, предназначенная для стирки. Андрон нагнулся, поднял черный носок и натянул на голову попугая. Другой напялил с обратной стороны, пока не почувствовал, как хвост уперся в грубую хлопчатобумажную ткань. В темноте попугаи молчат. И Гоша в этой смиренной рубашке, придавленный забрызганными краской башмаками, замолк, перестал биться.

Судно пришвартовалось, власти завершили осмотр кают, не нашли нарушений, разочарованно буркнули: «Good»*, — и покинули борт.

* Good (англ.) — хорошо.

Андрон бережно снимал с любимца тряпицы, как высвобождают из пелёнок младенца, когда его впервые показывают отцу. Гоша молчал. Он сел на жёрдочку, склонил голову, будто сделал одолжение. Попил воды, но есть не стал.

— Ну, чего с ним? — боцман заглянул в каюту. — Обиделся? Да, может. Наш чиф ему как-то сказал: ты, говорит, не попугай, а горобец крашенный. Так Гошка его видеть не пожелал. Отворачивался, когда тот проходил с проверкой по каютам. Во как: птица гордая! Не только одни слова помнит, но и отношение!

Андрон вышел расстроенный, взялся было за свою гирю. Но настроения не было. В столовой шумели, разбирая долгожданные фрукты, полученные на берегу. Мясо с макаронами за время долгого перехода всем надоели.

Андрон облокотился на планшир и стал смотреть на воду. Он не подумал, что клетка открыта, что от жары у всех открыты иллюминаторы с мористой стороны. И только вздрогнул, когда по лицу скользнула внезапная тень.

Гоша не разучился летать. Его выпускали в океане. Он вдоволь кружил над судном и возвращался на рею мачты или на леера, откуда наблюдал за будничными палубными работами. Потешал команду своими репликами, а потом садился на плечо Андрона и отправлялся с ним завтракать.

Попугай и сейчас вылетел. Сразу набрал высоту, сделал в небе разворот над судном. Какой-то паром, пыхтя, выходил из порта. Гоша привычно спланировал и примостился у него на рее. Кто-то из моряков, куривших на корме, заметил его полёт, крикнул, показал рукой. Но чужое судно удалялось. Потом на нём зажглись огни. Потом и они исчезли из вида.

ОНА ТЕБЕ МАДАМ БАТТЕРФЛЯЙ СЫГРАЕТ

В Сингапуре, как в Одессе, множество национальностей. В шуме этого богатейшего города-государства вибрирует языковая смесь из официального малайского, тамильского, языка хуаюй, кхмерского, где только два согласных звука -О- да -Е-. И слава Богу — английского. А в торговых кварталах услышишь и русскую речь. Она звучала в лавочках, где к выбору совершенно разных по назначению и качеству вещей был свободный доступ, за что моряки называли их «ройся-копайся». У меня до сих пор хранится визитка с рекламными каракулями:

МИСТЕР РАХИМ.

МАГАЗИН ИНДУССКИЙ — ГОВОРИМ ПО-РУССКИ.

Чулки-носки. Дорого — люблю. ДЁШЕВО, НО СЕРДИТО

Привлекали мореходов и магазины, но не столько фешенебельным блеском, сколько названиями по именам отечественных городов. Естественно, мы направились в маркет «Одесса». Воспроизведенный интерьер родных улиц, знание коммерсантами имён городского руководства, милицейского начальства и даже их замов удивляло, а следом — располагало раскошелиться.

Я подошёл к прилавку. Под стеклом лежали яркие побрякушки, позолоченные кольца, броши с фальшивыми самоцветами. Маленькая китайка, превратившись в улыбку, радушно предложила сделать покупку

для... И волнообразным жестом обрисовала виртуальную невесту. Я помотал головой.

— А-а-а, — пропела она, изображая понимание, — ты задний!

Это я жадный?! Вещица явно поддельная, стоит дорого: я рачительно указал на ценник.

— А-а-а, — снова пропела она, — ты хитрый.

Никакой я не хитрый! Просто мне такая бижутерия не нужна.

— Single? — произнесла она, поддразнивая.

— Один, — кивнул я. И, включаясь в игру, поманил её ладонями к себе: «Go with me»*.

Она зарделась и, коснувшись сердца, показала: «Идти с тобой? Да хоть на край света!» Потом смешно задумалась и с детской серьёзностью поинтересовалась: «Money?». И выразительно потёрла указательным пальцем о большой.

Моряки, конечно, зарабатывали хорошо, но так много, как светилось в глазах этой пигалицы, не было.

Она смиренно опустила головку, пригорюнилась, но тут же воспрянула: «Big house?». И широко развела руки. Я вспомнил свою советскую «хрущёвку», её социально-выносливые бетонные стены. И улыбнулся. Дома, который бы соответствовал её представлениям, у меня тоже не было.

— Luxe avto? — Китайка показала жестом, что крутит руль. Но и тут последняя надежда, светившаяся в её глазах, сменилась разочарованием.

Я с извинением пожал плечами и повернулся, чтобы уйти. И вдруг она с гортанным стоном выбежала из-за прилавка, обхватила меня ручками, прижалась

* Go with me (англ.) — пойдём со мной.

к груди щекой от невыносимости расставания. Я застыл на месте. А она, раскачиваясь, как в ритуальном танце, приговаривала: «О, poor man! Poor man...»*

Она жалела мою молодость, отданную дороге, мою невозможность дать ей необходимое. Душу разрывал её немой вопрос: как же, как теперь жить? В её игре было что-то надрывное и трогательное. И вдруг поверилось в обман. И стало жалко себя такого непутёвого, хитрого, жадного и неимущего. На рубашку упала капля — она плакала.

Воспользовавшись моим оцепенением, китаянка потащила меня за руку и ткнула пальцем в какой-то кулон, умоляя взглядом купить его на память о встрече. Дорогая вещица нагло поблёскивала фианитами. Но отказать ей было уже невозможно!

Третий механик, которому я сдавал вахту, подоспел вовремя. И хлопком по спине вернул в действительность:

— Растаял! Они тут такие профессионалы: облапошат как миленького. Чтоб всякое дерьмо всучить, она тебе страсти Чيو-чио-сан, мадам Баттерфляй тебе сыграет. Идём в бар.

В благодарность за науку я выставил товарищу пиво. Оно освежало прохладой, успокаивало. Голова чуть кружилась от ароматов азиатского юго-востока. Мы с третьим направились к выходу. Я оглянулся. Маленькая китаянка не замечала меня. Она восторженно смотрела на какого-то посетителя, явно нашего моряка, и, ласково касаясь пальчиком его груди, завораживающим голоском ворковала: «Ты хитлый. Ты задный».

* Poor man... (англ.) — бедный человек.

«РАЗМЕРЫ СПРОСИ У РАДИСТА»

— Стой, товарищ, я узбек, — остановил нас, подняв руку, смуглый человек в тубетейке, к которой поднимались чёрные дуги бровей. — Там вашу женщину трогают!

Он говорил, сильно смягчая звук -ж- и долго му-со-ля -щ-. На восточном базаре и не то услышишь. Но тут мы взволновались, похоже, эмигрант из советской Средней Азии своих не разыгрывал. И ускорили шаг в направлении, которое он показал.

На небольшой базарной площади, обмеженной прилавками, бурлил людской водоворот. Лотки с манго, зелёными кокосами, рыбой и морепродуктами, с горками варёного риса были оставлены без присмотра в стороне. Всё внимание было перенесено на ряд с нижним бельём. Разношерстная толпа торговцев, грузчиков, разносчиков товара и городских бездельников окружила нашу судовую уборщицу бабу Дашу.

Вообще-то тайцам свойственна расслабленность, ленца и умеренность в поведении на улице. Но сейчас каждому из них словно вставили, куда следует, по пружине. Вокруг Дарьи Митрофановны кружились, сновали, как пёстрые рыбёшки, полуголые тайландцы, прыгали, что-то лопотали по-своему и раздражались хохотом. Затесавшись в толпе простолюдинов, мелькали белыми рубашками два офисных клерка. Под ногами хрустнули слетевшие с кого-то дешёвые солнцезащитные очки из пластика с фирменной лейбой. Кто-то поскользнулся на банановой кожуре и сел,

расставив босые ноги. Но эти казусы не затронули ни одного из базарных засегдатаев. Глаза их блестели восторгом, они сладострастно потирали руки и взмахами показывали, чтобы подносили новый товар.

Как, — сами не заметив, — мы оказались в этом столпотворении. Второй штурман, старший в нашей группе-«тройке» отстранил какого-то напористого зеваку и тихо выругался. Казалось, всё местное население тащило сюда образцы женских ночных рубашек, трусов с кружевами и без них, долговязый продавец в рекламном раже крутил над головой, как пропеллером, розовым бюстгальтером. Баба Даша стояла посреди этого рыночного срама величественно, как императрица, и с чувством превосходства смотрела на кишевшую вокруг неё суету.

— Митрофановна! Матрос Кольцова, чёрт возьми! Это что за выход на подиум! — взревел второй. — Ты чего тут устроила?

— Это примерка, — с царской небрежностью удостоила она ответом штурмана. — А что, не видно?

Она повела плечами, вздёрнула бровь и подбоченилась, выпятив локоть и уперев кулак в пухлую талию.

— А ты что смотришь? — заорал второй, видя рядом с нею старшего моториста. — Иванов, вы тут чем занимаетесь?

— Да я это... попросил Дашу помочь. А эти налетели, как мошара. Дикари! — и он сбивчиво и бестолково, но всё же достаточно понятно объяснил, в чём дело. Ситуация оказалась из разряда тех, о которых писал любимый тысячами читателей писатель-маринист Виктор Конецкий. В частности, он поведал случай, когда на борт поступила радиограмма от одной

из жён: «Купи лифчик без бретелек. Размеры спроси у радиста». Содержание её, принятое радиомехаником, с невероятной скоростью распространилось среди экипажа. По мере работы испорченного телефона оно обрастало новыми дополнениями и подробностями устного морского творчества. И сколько потом получатель ни оправдывался, что их жёны сёстры и у них одинаковая конституция, и дело совсем не в том, что подумали коллеги, ему, спасаясь от шуток, пришлось списаться с судна.

Жена старшего моториста Конецкого не читала, но наказ купить ей фирменный бюстгальтер дала. И объяснила, что конструкция чашки должна быть таковой, чтобы она чуть приподнимала грудь вверх, направляла чуть вперед и немного сдвигала к центру, чтобы образовалось декольте в виде сердечка. Но никаких западных излишеств ей не надо, потому что грудь у неё и так хорошая. И незачем добавлять бюсту лишний объем.

Последнее моторист помнил лучше, нежели «Отче наш». Но прочие критерии столь деликатного предмета женской экипировки он за время рейса запомнил. И будучи человеком находчивым, решил обратиться к бабе Даше.

Она как добрый товарищ и собрат по морской жизни согласилась посодействовать, чтобы семейный заказ был выполнен чин-чинарём.

Так они и оказались на базаре. Товара было много, но проблема состояла в том, как объяснить тайцам, что тебе надо. Продавцы вопросительно смотрели на загорелого рослого моряка, были рады угодить ему и пытались понять его жесты. Ради создания вау-эффекта они были готовы даже на скидку цены, только

бы заполучить клиента и отпустить его осчастливленным покупкой. Но передать им все рекомендации по выбору, данные женой, моторист не мог. Хоть тресни — не мог!

И тут баба Даша оказалась человеком незаменимым.

— Смотри на меня, — гордо произнесла она, улыбкой выразив отношение к непутёвости мужиков, — и показывай этому пиндосу, что тебе надо. Они дошлые.

— Какие-какие?

— Такие, что догадуются, — резюмировала она.

Дарья Митрофановна была родом с Урала и некоторые диалектные слова произвольно подмешивала к исключительно одесским. К Чёрному морю она на зло мужу приехала в отпуск и уехать в свою глубинку уже не смогла. В предгорье осталась немилая ей работа в типографии и муж, с которым она развелась заочно по почте.

— Эк ты, прыткий! Я с таким кобелём жить не согласна. И ничего мне от него не надо было. Плюнула и ушла от него, как была: голая и босая, в одних колготках. И теперь — матрос-уборщик.

Конфигурации фотомодели ей Бог не дал. Зато дал бойкий язык и общительный характер. И она, понимая, что шансов закадрить нормального мужика у неё не много, смачно закуривала, рассыпала матюки, а выпив, распевала частушки типа: «Шла я лесом, вижу беса. У него большущий...»

Но тут, на базаре, она почувствовала себя не боевой подругой, а — женщиной. Природа её неистребима, потому что она — творец жизни и надёжный её хранитель, полный проникновенной правоты. Потом она объясняла:

— Вы не смотрите, что я такая. А вы в душу мне загляните: в душе я — цветочек аленький. — И в свойственной ей манере добавляла: — А цветочек нужно выпестить и выхолить.

Но это лирика, место которой настало потом, на долгом обратном переходе. А сейчас на базаре правила ситуацией Дарья Митрофановна. К ней подбегали и прикладывали тот или иной вид интимного гардероба, угодливо извивались и норовили каждый раз коснуться её мощного торса. Старший моторист смотрел на неё и тоскливо спрашивал: «Оно?»

— Говно! — отвечала она авторитетно. — Что это за качество? Твоя жена за такой подарок с тобой не ляжет. Давай следующего пиндоса.

И вновь продолжалась примерка, где каждый торговец изощрялся в подобострастии, ёрничестве и алчном желании всучить-таки свой товар этим привередливым мореходам. Какой-то совсем щуплый таец отлетел в сторону, пренебрежительно отодвинутый Дашиным локтем. В одной руке он потрясал ажурными трусами пуш-ап, которые вшитыми накладками визуально увеличивают форму ягодич, а другой, замирая от волнения, огладил бабе Даше её ядрёное бедро.

Другого отшила, сунув ему под нос кулак, чтобы не лапал, предлагая комбинацию на два размера меньше и к тому же гадкого бурякового цвета.

— Идём уже! Пошли они к чертям собачьим, — причитал моторист. — Они же как вороны налетели.

— А жене потрафить? — урезонивала Митрофановна. — У твоей жены как расставлена грудь: если широко, примерно на три пальца, то ей нужно брать лифчик поменьше, чтобы чуть сдавливал. Ну что ты

стоишь? Вспоминай, какой у неё зазор. Бестолочь. Вот ещё у этого посмотрим, этот попримечнее.

К толпе присоединился уже знакомый нам узбек, который держал на согнутой руке повешенные один поверх другого пёстрые халаты. Он одобрительно кивал тюбетейкой и так же, выделяя в произношении -ж- и -щ-, растягивал: «Бери, женщина. Хороший товар!»

— А! Это ты, землячок! Нет уж, пусть эти халаты в твоём гареме носят, — осаждала баба Даша.

И кто знает, сколько бы длился и чем бы закончился этот небывалый торг, если бы не вмешался второй штурман. Сошлись, что лучше одеть свою ненаглядную по моде дома.

— Хорошая ты тётка, Митрофановна, отзывчивая. А мужа у тебя нет, — говорил ей на перекуре старший моторист, когда за кормой уже больше отдалялся чужой берег.

— Эх, — мечтательно говорила баба Даша. — Ты своими советами любви не поможешь. Я ведь, знаешь, какого хочу... Вот чтобы пришла, села рядом с ним, прижалась и — как из дальних стран на родину вернулась. Да ты не поймёшь...

На родину мы вернулись через 5 месяцев.

ЯЗЫК ИТАЛИИ ЗЛАТОЙ

Тёртый курсант на практике даже в первом рейсе может избежать десятка неожиданностей. Кроме... влюблённости.

Танкер «Гавана» был готов отчалить. С оглядкой на сутки за кормой осталось Чёрное море, улыбнулась голубоглазая Адриатика и... блеснула серебристыми трубами нефтегавань порта Сарроч на юге Сардинии. Утро нахлынуло восторженно, как поток солнечного света после ночи в тёмном чулане.

Танкер прижался бортом к причалу, как ребёнок к материнскому колену. Вода была особой прозрачности, сочные и яркие краски хранили атрибуты итальянского барокко. Несколько часов на берегу в увольнении казались переходом в сказку.

Нашу группу-«тройку» встретил небольшой чистый городок, расположенный в стороне от судоходных трасс, сохранивший в своей старине ожидание чуда.

Он щурился от солнца сквозь деревянные жалюзи на окнах. И дремал. Домики, замаскированные виноградом и олеандрами, аккуратно тянулись вдоль улицы, чуть ли не единственной в этом земном уголке. В тени от небольшой кофейни с облупленными стенами стоял привязанный к деревцу ослик и монотонно жевал траву. Отяжелевшие от жары листья прядали под лёгким дуновением, как его серые уши.

Обычно моряки, предполагая, что за границей никто не понимает их речь, не стеснялись в выражениях. Несколько из них долетели до открытой веранды, где за столиком сидел старик наедине с бутылкой красного вина. Особенность этих слов не только в их экспрессии, но и узнаваемости в словаре международной лексики.

Старик по-воробыному встрепенулся, вскочил и двинулся нам навстречу, словно человек, к которому пришли дорогие гости. Его мимичное сморщенное лицо засветилось счастливой догадкой. Размашисто пересекая улицу, он в одной руке держал за длинное горлышко едва початую бутылку, а другой показывал на нас и потом бил себя в грудь:

— Русо коммунисто! Италияно коммунисто! — и с каждым выкриком многозначительно показывал на бутылку.

Предупреждения о коварстве капиталистических антагонистов растворялись в доброй широченной улыбке старика. Морщинки на его лице радушно расплылись дугообразными складками, как на провисшей домашней простыне.

— А что, ребята, выпьем, за классовую дружбу? — спросил Саня, резюмируя согласие скрепить весёлым стаканчиком союз идейных однодумцев.

До нарушения правил поведения советского моряка за границей оставались два-три мгновения. Но тут из-за поворота вышли старпом, помполит и судовой врач. Он недавно закончил медин, помнил латынь и за полчаса выучился изъясняться с итальянцами.

— *Vattene, compagno. Vattene!* (Уходи, товарищ. Уходи!) — произнёс он строго. — И вы ступайте.

— Так он же коммунист... — начал было я.

— Без возражений! — каменным голосом оборвал помполит. И угрожающе добавил: — О чём это вы собирались говорить с ним, не зная языка?

Мы побрели дальше по улице. Я оглянулся. Вслед нам разочарованно глядел старик-итальянец, прижимая к груди бутылку. Потом он отхлебнул из горлышка и пошёл прочь с гордостью нищего мудреца.

— Чёрт их прислал! — с досадой плюнул Саня. — Ну а мы-то чего, пить будем на свои? Или как?! Вон магазин.

Мы переступили порог, как видимо, не раз оббитый бывалыми людьми, и окунулись в приятную дымчатую прохладу. Над прилавком из бука, покрытого тёмным лаком, как огоньки родного порта, мерцали бутылки. А сбоку рядами поднимались лунные днища бочонков.

— Феерия!.. — восторженным шёпотом произнёс Саня. — И добрая фея, которая нам сейчас нальёт.

Из дверей с потускневшим золотом багета вышла девушка. Она мягко положила руки на стойку, слегка кивнула. И вопросительно раскрыла большие чёрные глаза. Сумрак не мог скрыть молодости и грации, наполнявшей каждое её движение. Она смотрела на русских моряков с удивлением и опаской, с какой барышни рассматривают в зоопарке мех ягуара.

Наше молчание она прервала лучистым:

— Come posso servirti? (*Чем могу служить?*)

— Синьора, — галантно начал Саня и, не зная, что дальше сказать, показал пальцем на пластиковую литровую бутылку видом подешевле: мы уже успели растратиться.

— *Senorita*, (*Сеньорита*) — поправила она, игриво поведя плечами и разметав чёрные прямые волосы. Потом приставила к стеллажу небольшой помост, поднялась на вторую ступеньку, чтобы дотянуться до полки с требуемой бутылкой.

Она привстала на цыпочки, её короткая юбка приподнялась. Два загорелых луча, бывшие из-под края, ударили по глазам.

— *Si?* (*Эта?*) — спросила она.

— Да-да! — расплылся в улыбке Саня.

Я вдруг испытал неловкость, адамово яблоко сдавило в горле дыхание. Она поставила бутылку на прилавок ребром, отчего та чуть покачнулась, как кегля. С вратарской готовностью я рванулся, чтобы удержать её. Мой порыв рассмешил всех своей горячностью, в том числе и девушку. Придав лицу профессионально-любезное выражение, она мягко опустила руки на прилавок. Одновременно я так же положил руки напротив. Пролетевшая молния случайного прикосновения словно передала ей моё волнение.

Её ладони скользнули назад, но чуть медленнее, чем требовалось. Словно не осуждая меня за желание прикоснуться к ней. При этом мы продолжали смотреть друг другу в глаза.

— *Cinquemila lire*, (*Пять тысяч лир**) — прервала она замешательство.

— Это сколько же?

Она подняла ладонь и показала пять раскрытых веером пальцев. Дошло! Начали считать. И тут оказалось, что у нас на троих 4900.

* Лира — денежная единица, имевшая хождение в Италии до введения евро в 2002 году. (Цены минувших лет.)

— Так выпьем и отдадим ей бутылку! — И мы, как в детской игре в «Крокодильчика», начали мимикой и жестами показывать то, что она должна была отгадать.

Она не понимала. Вскидывала брови, чуть поджимала губы. Но вышколенная предупредительность к покупателю не позволяла ей вспылить.

В магазин вошла старая женщина с девочкой. Она тоже удивлённо смотрела на нашу пантомиму и только пожимала плечами, переглядываясь с девушкой.

— *Marinai, marinai!* (*Моряки, моряки!*) — догадалась девочка и захлопала в ладоши. Её глаза смышлённо блеснули, и она вытащила из сумочки блокнот и карандаш. — *Drawize Pictionary*, — прокричала она. И сразу вспомнилась веселая игра «Рисуй и угадывай слова».

Я с удовольствием нарисовал бутылку, затушевал её и указал на оригинал, стоящий на прилавке. Девочка кивнула. Потом показал шагающими пальцами, как мы идём за дом во двор. А потом — что идём обратно. Но уже... и я нарисовал эту же бутылку, только пустой. И показал жестом, что отдаем её девушке.

— *Alessia*, — радостно закричала ей девочка и что-то быстро проговорила.

— Алессия, какое чудесное имя, — сказал я с шутливой просительностью сложив руки у груди.

Она улыбнулась и отрицательно повела головой, тронула тонким пальцем нарисованную пустую бутылку, которую мы обязались возвратить. И написала 100 лир.

Нет 100 лир! Ну, нет! Я толкнул товарищей, и все клоунски похлопали себя по карманам, показывая отсутствие денег: нет!

Теперь молитвенно сложила руки у груди Алессия, показывая, что рада бы, но не имеет права.

— Чёртовы буржуйские порядки! — безнадёжно махнул рукой Саня. Но девочка что-то пролопотала бабушке на ухо, и та показала на нас как поручитель. Затем кивнула седой головой и положила за нас на прилавок недостающие 100 лир.

Алессия засияла. Я с благодарностью посмотрел на неё. В груди что-то замерло, как бывает, когда качели, взлетев до предела, глиссируют вниз. И задыхаясь, бормотал как пушкинский импровизатор из «Маленьких трагедий»:

— Grazie... grazie... (*Спасибо... спасибо...*) синьора, ой, извините, что это я... сеньорита.

За время изъяснений на языке наскальной живописи глаза привыкли к полутьме. И можно было разглядеть Алессию. Она была очень красивая, сияющая, чуть смущённая, немного раззадоренная игрой. Сердце отбивало ритм неудержимого волнения, наполняло неосознанным желанием что-то сделать для неё. Правила поведения моряка за границей пеленали, как смирительная рубашка. Но без счастливых глупостей молодости не состоится будущий человек. Я застыл, как вкопанный, не в силах преодолеть волнение и опять почувствовал, как это состояние передалось ей. Мы стояли лицом к лицу, разделённые прилавком, и смотрели друг на друга. Мои ладони также лежали на полированной поверхности. Кончики наших пальцев почти соприкасались. Но теперь она не убирала руки. Будто мы притягивались друг к другу, искали

друг друга наощупь. Так музыкант ищет музыку, касаясь клавиш.

Мне вдруг захотелось остаться в этой золотисто-солнечной стране, где так просто можно объясняться друг с другом, где о своей влюблённости можно говорить, не зная языка, одними глазами. Это было внезапно, как бывает в первый раз.

— Ну, чего, оставим этого Ромео глазеть на барышню, а сами выпьем за здоровье молодых? — усмехнулся Санёк и обратился к ремонтному механику Гарику, возглавлявшему «тройку».

Женщина, с интересом наблюдавшая этот торг, кашлянула и вывела из замешательства, показав на товарищей, мол, зовут. Иди!

Мы завернули во дворик. На клумбе мирно росли в средиземноморской гармонии кактусы, пальма, сосна и две русские берёзки. Прямо с неба свисали ветки со спелыми сливами и закрывали столик ажурной тенью.

Алессия поставила три стакана.

— Nonna Giulietta, (*Бабушка Джульетта*,) — потянула девочка за рукав нашу седовласую спасительницу. И они уселись рядом на скамеечку, как заядлые театралы, в ожидании представления.

Санёк деловито открыл бутылку и разлил вино. Гарик глянул на часы:

— Быстрее, а то опять припрутся эти кайфоломы.

Раскрыв от удивления рот, бабушка Джульетта смотрела, как мы проглотили содержимое стаканов. Девочка в восторге захлопала в ладоши и стала хохотать.

— Повторить! Дубль! — произнёс Саня с напыщенностью конферансье, и снова кьянти, играя в лучах, выплеснулось в стаканчики. — Алле-оп!

Девочка заворожённо смотрела, как по глотку опорожняется вторая порция.

— Di riú! Di riú! (*Ещё! Ещё!*) — запрыгала она, продолжая аплодировать.

Санёк театрально раскланялся. И стал доливать последнее содержимое бутылки. Алессия не удержалась и тоже стала смеяться.

— Premio! — воскликнула она и под одобрение старой женщины показала на сливы: берите, закусывайте.

— Премия. Это и я понимаю, — хмыкнул Гарик. — Ещё бы по стаканчику и начали бы по-ихнему говорить, как с родными.

Сливы были вкусные. Сочные, с сиреневой поволокой, словно запотевшее стекло.

Мы передали пустую бутылку Алессии. Она сделала лёгкий реверанс на прощание.

И я со щемящим чувством понял, что феерия закончилась. Сейчас мы уйдём. Завтра судно снимется в рейс, и я больше никогда не попаду в этот дворик, не буду изъясняться со смешной малышкой-bambina рисунками, заменяющими «язык Италии златой».

Перед рейсом в Новороссийске мы провожались в приморском кафе, и я на память стащил маленькую коньячную рюмочку. Она так и лежала в сумке. Я поспешно достал её, приложил к сердцу и протянул Алессии:

— Презенто. На память.

Она колебалась, принять ли. Я сделал неловкий шаг навстречу, споткнулся о плиту, мостившую дворик. Рюмка выскользнула из пальцев, хрупкое стекло разлетелось на осколки.

Я растерянно молчал. Она тоже. В глазах её блеснула слезинка. Она спохватилась и зажала рот ладонью. Женщина погладила огорчённую внучку и с фатальной интонацией произнесла:

— Destino. (Судьба.)

— Пошли, пошли, Ромео! — заторопил Санёк. И дёрнул меня за плечо: надо уходить.

Что это было? По-итальянски это называется *affinitá* — близость между людьми, но не физическая, а что-то вроде возникшего родства душ. Душевная общность, по которой люди находят друг друга независимо от времени и расстояний. Мы нашли друг друга и соприкоснулись.

Наутро танкер поднял пары, запустили турбины. Впереди ждала Атлантика. И целый океан жизни, который ещё предстояло преодолеть.

Какая теперь Алессия? Не хочется представлять её сварливой толстухой, которая варит макароны подагрическому мужу, алчно подсчитывает прибыль в своей бакалее, где, возможно, о нас рассказали старику-коммунисту, предлагавшему выпить за интернационал.

Историю я доскажу в следующей жизни, когда мы встретимся с Алессией, чтобы уже не разлучаться.

А пока... где-то далеко движутся суда, трудится маленький порт. Едва ли я смогу попасть туда. Да и зачем? Чтобы помнить о первой влюблённости, можно никуда не уезжать.

МАЯКИ СВЕТЯТ ВСЕМ

В первый раз на маяке я побывал в Сете — портовом городке на юге Франции. Вечерело, негромко пере-крикивались грузчики, над портом грассировал пропеллером самолёт. И вдруг яркая вспышка света остро ударила по глазам. Не успели рассеяться зеленоватые круги, как вспышка повторилась. Началась ночная вахта маяка. Он стоял на оконечности каменного мола. Световые вспышки рассыпались бликами по тёмно-фиолетовой воде.

Эту цветовую гамму уловил и сумел передать Клод Моне. Маяк в Сете так и остался на его полотнах: белая башня, соединившая водную и земную стихию, и их бесконечные перемены.

Теплоход «Березовка» отходил на моей вахте, и я не видел обращённых ко мне лучей маяка, которые успел полюбить. Хотя почему ко мне? Ведь маяки по сути своей интернациональны: они светят всем! Всем, кто может их увидеть...

Ещё одна встреча с маяком была много лет спустя на Тарханкуте. Автобус довёз до рыбацкого посёлка, дальше дорога шла по степи. Под ноги ложилась жёсткая, латунная трава солончаковой земли, не прирученной плугом. И степь доверила мне одиночество своего бессонного сердца.

Осенью и зимой ветры достигают здесь шквальной силы. Ещё больше усложняет жизнь в этих краях практически полное отсутствие пресной воды.

Именно поэтому первыми поселенцами в западной части Крыма стали каторжные. Среди арестантов оказались бывшие матросы. Они и удумали, как здесь, на гулком побережье предаться разбойному промыслу. Мореходы знали, что мыс уходит в море полого почти на протяжении целой мили от кромки берега, а глубина едва достигает 7 метров. Под водой таится множество подводных скал, опасных для кораблей.

Немирные поселенцы воспользовались тем, что маяками часто служили обычные костры. И стали зажигать огни, давая ложные знаки судам. Купцы поворачивали на обманчивый свет и садились на мель. Тут-то ссыльные и подплывали к ним на лодках, брали на abordаж и грабили самым бессовестным образом. Поэтому татарское название мыса Джангуль вскоре изменили на Тарханкут — Чёртов угол.

Недобрая слава докатилась до правительства. Дабы воспрепятствовать разбою, высочайшим указом было решено установить здесь державный маяк. И он был воздвигнут в июле 1816 года.

Сейчас он занесён во все лоции мира. Каждый день за час до заката зажигаются его сигнальные огни. При ясной погоде они видны с расстояния до 17 миль. Полторы секунды горит белый свет. На столько же гаснет. Снова загорается на полторы секунды. На три секунды — гаснет. И так терпеливо повторяет этот цикл позывных всю ночь. Вахтенный техник отключает рубильник через час после восхода.

День пути до него напомнил о суровости края. Солнце прожигало насквозь, слабое дуновение с моря не освежало, запас воды в бутылке уменьшался, а рюк-

зак тяжелел. Невольно подумалось, зачем мне, цивилизованному человеку, привыкшему к кабинету с кондиционером и кофеваркой, тащиться по безлюдной степи? Но этот маршрут таков, что, ступив на него, сворачивать уже некуда.

И вот он завиднелся — маяк! Вначале показалось, что это спичка, торчащая из земли. Но постепенно он рос, обретал форму, знакомую по картинкам. Она — неповторима. Потому, что нет в мире ни одного маяка, который бы повторял архитектуру и параметры другого. Каждый маяк — самобытен, и язык его позывных индивидуален. Как, впрочем, и его предания.

Некогда должность лица, обслуживающего маяк, называлась смотритель. Сидя всю ночь в стеклянной колбе на верхотуре, он именно смотрел за тем, чтобы не погас фитиль в керосиновой лампе. Чтобы обеспечить вращение линз и зеркал, создававших импульсное свечение, на ворот наматывался трос, к которому была привязана гиря. Она опускалась, и это усилие трансформировалось системой зубчатых колес во вращательное движение проблесковой части, в центре которой стоял фонарь.

Гиря опускалась по шахте, образованной стенами маяка, сделанными из прочного камня-известняка, добытого в море. В нижней точке она натывалась на дубовый настил. Звук от удара был сигналом к тому, что пора возобновить завод. Дремать вахтенному не удавалось.

Ртутная установка, появившаяся в советское время, выделяла весьма вредные испарения. Поэтому сюда назначали работать в приказном порядке. С 1958

года на маяке установили новую оптику и подключили к электросети. С той поры он и передает указанные выше световые и такие же звуковые сигналы. Сегодня о его минувшем напоминают только остатки сгнивших досок и сохранившееся зубчатое колесо. Но его архитектура остаётся неизменной уже более 200 лет. Башня возвышается над морем на высоту 36 метров. Толщина стен, у основания равная 2 метрам, и облицовка из инкерманского камня, роднят её стойкость с солдатской доблестью.

Внутри маячного дворика сейчас не попасть. Поэтому нельзя потрогать белые камни маяка, полистать гидрографические книги в старинных кожаных переплетах, увидеть пожелтевшие от долгого хранения навигационные карты, запертые в баталерке. Но суда, проходящие вдоль западных крымских берегов, благодарно внимают его позывным. Тарханкутский маяк служит, как и все его просветлённые собратья: светит — всем!

...Ночь пришлось провести на песчаной косе в отдалении от «охраняемого объекта». Ясно мерцали звёзды, по волнам рассыпалась лунная дорожка. Раз за разом в прозрачную темноту погружался светлый луч. По периодичности, с которой он появлялся и исчезал, можно было бы сверять удары пульса, если бы так сладко не замирало сердце...

СОДЕРЖАНИЕ

От автора.....	5
Как мою маму не приняли в партию.....	9
И в малом — сила.....	13
Любовное письмо по-морскому.....	17
Бойтесь быть смешными.....	25
Догонялки в гаванском порту.....	28
Ловец момента.....	32
Игрок познаётся в игре.....	39
Одесский ллойд.....	46
...Ромом пахнут сумерки.....	51
«Морские» свинки, или Теория Дарвина в Охотском море.....	61
Всё съешь, но не сдавайся.....	67
Выход из безвыходного положения.....	73
Моряка не подъегоришь.....	82
Честное филологическое.....	91
Мартын-мореход.....	102
Меняла.....	108
Обновить «копейку».....	118
Попугай птица гордая.....	124
Она тебе мадам Баттерфляй сыграет.....	129
«Размеры спроси у радиста».....	132
Язык Италии золотой.....	138
Маяки светят всем.....	147

Нова книга прози одеського автора Владислава Кітіка «Як морем, морем синім» є збіркою морських історій, що охоплюють час його навчання в Одеському вищому інженерно-морському училищі та подальшій роботі на флоті. Роки, зафіксовані у рядках Трудової книжки, випадки, що передають колорит морських буднів Чорноморського пароплавства, його судна, що впливають із пам'яті нинішніх днів, не тьмяніють за давністю. Історії і веселі в душі «морської балаканини», злегка задумливі, іноді ліричні, і такі, що зберігають екзотику далеких країн, — ще один штрих дивовижного багатогранного творіння людства, званого флот. Волею давнини, до нього причетний кожен.

Літературно-художнє видання

KITIK

Владислав Адріанович

ЯК МОРЕМ, МОРЕМ СИНІМ

Морські історії

Російською мовою

Видано в авторській редакції

Завідувачка редакції *Т. М. Забанова*

Технічний редактор *Т. В. Іванова*

Формат 84×108/32. Ум. друк. арк. 7,98. Тираж 100 прим. Зам. № 261 (75).

Видавництво і друкарня «Астропринт»

Свідомство суб'єкта видавничої справи ДК № 1373 від 28.05.2003 р.

65091, м. Одеса, вул. Разумовська, 21

Тел.: (0482) 37-14-25, 33-07-17, (048) 7-855-855

e-mail: astro_print@ukr.net

www.astroprint.ua